

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 133, октябрь 2025

АМЕРИКАНСКИЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ В КРИЗИСЕ ПОРЯДКА

«В общих чертах США – это то общество, к которому мы придём через несколько лет». Эти слова прозвучали в 1962 году. Выступая на съезде Движения коммунистической левой, Арриго Черветто указывал, что итальянское общество развивается по американской канве. Ускоренное разложение крестьянства, рост обширного промышленного пролетариата, появление «белых воротничков» и наёмных работников сферы услуг: американизация итальянского и европейского общества в первую очередь исходила из законов капиталистического развития и изменения классов, но через трансформацию социальной психологии она в какой-то мере влияла и на политические формы.

«Я считал верным указание Маркса, согласно которому наиболее развитая в капиталистическом отношении страна указывает будущее более отсталой», – прокомментирует Черветто двадцать лет спустя; американское развитие в целом демонстрировало закономерности превращения в державу империализма.

Однако наряду с критерием американской канвы, заимствованным у Маркса и обновлённым, чтобы представлять общую закономерность империалистического развития, Черветто на протяжении многих лет отмечал решающее значение материалистического изучения социальной психологии и политической истории, которые лежат в основе национальных особенностей различных держав, углубляя анализ и научно обосновывая специфический моральный фактор, который их отличает. Это два критерия, которые необходимо развивать и удерживать в равновесии, и здесь также следует опираться на марксистское научное наследие.

В течение XX века Соединённые Штаты не только превратились в сильнейшую мировую державу, став образцом империалистического развития, но и оказались страной периодических «лихорадок»: достаточно вспомнить религиозные пробуждения или маккартизм, а также маятник идей американской исключительности – от сосредоточенности на внутренних проблемах к активной внешней политике. Для Маркса Штаты, с рывком развития Калифорнии в середине XIX века, стали ареной резкого поворота¹, который сместил центр тяжести мирового развития с Атлантики на Тихий океан. Но, как демонстрировали экономические теории Генри Чарлза Кэри, именно потому, что капитализм в Новом Свете «развивался так быстро, так поразительно»², его ложное сознание выразилось в «универсализме янки», который воспринимал американскую исключительность как норму, а остальной мир – как одинаково чуждый. Для Кэри, пишет Маркс, «Франция и Китай» были «одинаково близки»; он всегда «выступает как человек, живущий у берегов Тихого и Атлантического океанов»³.

Конечно, в XX веке США извлекли выгоду из самоуничтожения Европы в двух мировых войнах, а во второй половине века они были в центре всех балансов: действительного раздела Европы в Ялте и четырёхполярной, а затем пятиполярной игры с СССР, Китаем, Японией и Индией в Азии. Именно это в конечном счёте имело значение для соотношения сил в мировом масштабе, и только в 90-е годы и в новом веке это было нарушено крахом СССР, объединением Европы и, прежде всего, вторжением на мировую арену Китая.

Но что касается лихорадок, которые пронизывают всю социальную и политическую историю США, то в отдельных сражениях они часто становились частью расчётов союзников и противников. Шарль де Голль полагал, что риск взрыва Америки из-за «терроризма» или «расизма» может служить аргументом в пользу стратегической автономии *force de frappe*⁴. Конрад Аденауэр опасался, что изменчивость американского общественного мнения поставит под вопрос гарантии «расширенного сдерживания», основанные на ядерном потенциале США, для защиты Германии. Британцы, в алхимии особых отношений Лондона и Вашингтона, мечтали – как некогда греки в отношении римлян – смягчить эффект «упрощённости» американской политической культуры. В мифологии блок против блока времён «холодной войны» они замечали, что Вашингтон не слишком различает устремления молодых капиталистических стран к автономии – устремления националистические, пусть эти страны и опирались на СССР или Китай в своей антиколониальной борьбе и собственном восхождении. Мао Цзэдун во время войны

во Вьетнаме, советуя лидерам Ханоя продолжать сопротивление американцам, объяснял это исторической неспособностью США поддерживать длительное военное присутствие за рубежом. Хельмут Шмидт, ещё при президентах Джимми Картере и Рональде Рейгане, сетовал на эрозию двухпартийного консенсуса по внешней политике и отмечал захват ключевых должностей в администрации партийными деятелями через практику дележа добычи. Он также предвидел скорый перенос в Европу телевизионной демократии и политики-спектакля.

Здесь стоит отметить, что американизация политических форм – это не столько подражание, сколько объективный результат взаимосвязей экономической общественной формации. Она отражает как вторжение крупного капитала в индустрию развлечений и информации – гигантов масс-медиа, кентавров, соединяющих частную логику капитала и публичное политическое влияние, – так и исчезновение организованного влияния партий на психологию масс и, в частности, новых промежуточных слоёв и госслужащих. Кризис партий, который сегодня выражается в собственнических страхах и неуверенности на фоне упадка, впервые проявился ещё в период расцвета цикла социал-демократизации – после завершения построения социального государства и колоссального расширения государственного аппарата, в котором эти партии выступали в качестве посредников.

Возникает вопрос. Сегодня социальные особенности поздней империалистической зрелости типичны для всех старых держав: повсеместное распространение наёмного труда, расширение как высших слоёв, так и иммигрантского пролетариата, живущего в условиях сегрегации, семьи с несколькими источниками доходов, широкий рост числа собственников и соб-

ственнический индивидуализм, снижение рождаемости вплоть до демографического кризиса. И сегодня относительный упадок США, Европы и Японии определяет отношения между державами на фоне восходящих Китая и Индо-Тихоокеанского региона, в соответствии с тем, что предсказывал Маркс в 1850 году.

Что же тогда происходит с американской канвой в условиях кризиса порядка и атлантического упадка? И в какой степени колебания в Вашингтоне, односторонние претензии президентства Трампа и напряжённость, затрагивающая разделение и равновесие властей, являются случайными особенностями кризиса в США? Здесь обостряются исторические черты американской политической культуры или же прослеживаются признаки нового политического цикла и противостояния держав, которые станут общими и постоянными?

В определённой степени верно и то, и другое. Но это предполагает оценку американского кризиса и кризиса порядка в их взаимной связи, с научным вниманием к времени и пропорциям.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

1 – Русский перевод цитируемого в статье отрывка из «Первого международного обзора» К. Маркса и Ф. Энгельса отличается от итальянского («Per la seconda volta il commercio mondiale subisce un colpo di timone») и звучит следующим образом: «Во второй раз мировая торговля получает новое направление» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 232).

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 20.

3 – Там же. С. 23.

4 – Сил ядерного сдерживания.

Джанлука Де Симоне
Большой Средний восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы
384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.
ISBN 978-5-9905528-5-2
Цена 350 руб.

Содержание	
АМЕРИКАНСКИЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ В КРИЗИСЕ ПОРЯДКА.....	стр. 1
Плюрализм властей и атлантический кризис	стр. 2
Многовекторность и перевооружение в Азии	стр. 3
ФРС ищет компромисс.....	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Новый план Делора для империализма ЕС.....	стр. 5
Шейхи и эмиры капитала между бойней в Газе и нападением на Катар....	стр. 6
<i>Демографические и миграционные тенденции</i>	
“Крепость Европа”, поддерживаемая иммигрантами	стр. 7
Пошлины и урны в Сеуле и Токио.....	стр. 8
<i>Промышленность и фармацевтика</i>	
Биофармацевтика смотрит на Восток.....	стр. 9
Теоретические и политические сражения Арриго Черветто	стр.10-11
Ещё сто лет?.....	стр. 12
СУТЬ МОМЕНТА.....	стр. 12

Плюрализм властей и атлантический кризис

(начало на стр. 1)

Рассмотрим на данный момент два вопроса. Первый – это крайняя поляризация противостояния между демократами и республиканцами, которая сделала практически невозможным достижение двухпартийного консенсуса и способствовала циклу политического насилия, начиная со штурма Капитолия 6 января 2021 года и заканчивая убийством в штате Юта 10 сентября Чарли Кирка, фактического лидера молодёжного движения MAGA.

В “Тетрадах” политических мемуаров Арриго Черветто мы находим поучительный отрывок о методе «политического убийства», который получил своё развитие именно в американском политическом цикле 1960-х годов: «Стало известно, что убили Дж. Ф. Кеннеди. Это произошло 22 ноября 1963 года. В течение нескольких месяцев газеты писали об этом факте, который вернул в политические новости метод политического убийства, вышедший из моды несколько десятилетий назад, но процветавший на протяжении долгих исторических периодов. Политика нередко сводилась к убийству. Ещё чаще – к политическому убийству в широких масштабах. Когда я начинал политическую деятельность, фашисты убивали нас, а мы убивали их. Я стал марксистом в том числе и потому, что пытался найти науку для политической страсти, которая вдохновляла меня; я пытался выяснить, есть ли рациональность в эмоциональном поведении, которое толкает к действию. Материалистическое понимание истории и материалистическая концепция политики продемонстрировали мне, что политическое действие может быть изучено наукой. Политика, следовательно, может быть наукой. Нахождение этой истины в марксизме означало для меня то, что я становлюсь человеком, а не только политическим животным; это снабдило страсть мозгом. Политическое убийство может быть расчётом, но очень часто это исключительно страсть и простая политическая неспособность решать проблемы, которые ставит действительность. Это примитивное использование примитивного инструмента. Это всё равно что решать проблемы экономики при помощи бартера. Я всегда видел в сталинизме и сталинистском образе мышления примитивизм, который является отрицанием научной рациональности Маркса, Энгельса, Ленина.

Я всегда считал, что широкое распространение этого способа мышления в целом было препятствием на пути освобождения пролетариата и, в частности мешало образованию партии, стоящей на службе науки о революции. В марксизме я обнаружил отрицание идеологии насилия – вместе с отрицанием всех идеологий. Это не отрицание, исходящее из моралистской идеологии, которая есть не что иное, как другая сторона идеологии насилия, – поскольку они обе являются выражением общего для них субъективизма. Это научное отрицание предвзвешенности. Благодаря этому марксизм оказывается в состоянии рационально использовать насилие, которое классовое общество высвобождает так же, как море высвобождает штормы». Иными словами, марксизм получает возможность преобразовывать войну в революцию. И ещё: «Убийство Дж. Ф. Кеннеди произвело на меня впечатление. [...] Я растерянно чувствовал, что новый фактор вступает в игру, фактор, который счи-

тал устаревшим из-за его примитивности. С тех пор политическое убийство стало частью новостей и укоренилось в них. Это вызвало весьма широкий спектр побочных последствий.

Меня же это подтолкнуло к предельной строгости, чтобы этот примитивный феномен не мешал работе, которая, как я знал, займёт значительное количество лет».

Черветто писал это на рубеже 1981–1982 годов; как видно, его наблюдения ни в коей мере не ограничиваются одним утверждением, что метод политического убийства является чертой американского политического цикла. Мелкобуржуазный интеллектуальный терроризм в те первые годы 80-х ещё не пошёл на убыль; через Средиземное море уже проникали «отравленные семена» средневосточного терроризма. Размышления Черветто остаются чрезвычайно актуальными, являясь практически воплощением марксистской теории насилия, которая вновь становится незаменимой с углублением кризиса порядка.

Впрочем, если Европа имеет собственный след в практике политических убийств – будь то политический терроризм 70-х годов или этнический терроризм в Северной Ирландии и Стране Басков, – то в проявлении вооружённого насилия существует и американская специфика. С одной стороны, оно было выражением циклов политических потрясений, как в 1960-е годы, в том числе в ответ на политику расовой интеграции, но с другой стороны, оно усиливается повсеместным распространением огнестрельного оружия и конституционной защиты вооружённых граждан. В отличие от Европы, отмечает *Financial Times*, государственная монополия на насилие в Новом Свете никогда не существовала или была весьма несовершенной, что является наследием Дикого Запада и индейских войн, частных ополчений, контролировавших рабов, и ограничений по отношению к федеральным властям.

Напряжённость, вызванная атлантическим упадком и кризисом порядка, нашла своё выражение в избрании Дональда Трампа, и, возможно, это положит начало новому циклу потрясений. Верно и то, что электоральные восстания являются общей чертой всех старых держав, где страхи и обиды собирают вокруг себя более или менее эфемерные популистские и ксенофобские движения. Если это и является одной из черт нового политического цикла, то пока что его острые проявления в США всё ещё можно объяснить внутренними особенностями американской политической культуры и её лихорадкой, а не новой нормой, которая распространяется на весь Запад.

С продвижением кризиса порядка это станет ясно. Неоспоримы поверхностные аналогии с политическими бурями 1930-х годов, но, заходя слишком далеко в сравнении, мы упускаем из виду одно существенное различие. В то время к “ученикам чародеев” капитала, пытавшимся мобилизовать силы против рабочего движения, присоединились обезумевшая общественность, интеллектуалы с антидемократическим пессимизмом и реакционной модернизацией, смертельные авантюры социал-национальных демагогов: все они испытывали последствия мировой войны или Великой депрессии 1929 года. Сегодня, конечно, кризис 2008 года разрушил на Западе уверенность в либеральной гло-

бализации, но мы всё ещё находимся в состоянии страхов и тревог, связанных с массовым распространением собственности. Эта собственность, выраженная в тысячах миллиардов, теперь в порядке наследования начинает переходить от бэби-бумеров к новым поколениям.

Второй вопрос касается того, как президентство Трампа влияет на баланс и разделение властей, требуя контроля над независимыми агентствами на основании доктрин единой исполнительной власти и, прежде всего, подвергая осаде независимость ФРС.

Трампа обвиняют в том, что он хочет увести США в сторону нелиберальной демократии, то есть к плебисцитарному режиму, в котором будет скомпрометирована система сдержек и противовесов между властями, задуманная либеральной доктриной. На самом деле, уже более века вопрос о независимых агентствах затрагивает в Штатах отношения между президентом, Конгрессом и Верховным судом, а также между этими тремя ветвями власти и штатами Федерации, и является предметом напряжённости и борьбы на протяжении по крайней мере пяти политических сезонов.

Начинается всё с прогрессистской эпохи 1890–1920 годов, с создания в 1887 году Межгосударственной комиссии по торговле и антимонопольным мерам против баронов-разбойников. Затем наступили годы Нового курса, фактического основания федеральной централизации Соединённых Штатов. Здесь увеличение числа агентств также имело целью преодолеть сопротивление штатов, но при реорганизации администрации Франклин Д. Рузвельт и его советники поддержали главенство президентской власти – в терминах, мало отличающихся от современных теорий единой исполнительной власти. В связи с централизацией, предпринятой в рамках Нового курса, противостояние между Рузвельтом и Верховным судом переживало моменты острейшей конфронтации.

Третий этап, максимальное расширение независимых агентств, пришёлся на период планирования “Великого общества”¹ при президенте Линдоне Б. Джонсоне, то есть на период федеральных программ по расширению социального обеспечения и расовой интеграции. Контрдвижение, четвёртый этап, началось с президентства Рональда Рейгана и цикла империалистического либеризма. В этом контексте линии, поддерживавшие примат исполнительной власти, были отмечены дерегулированием и оппозицией *big state*, этатизму рузвельтской коалиции, совпадая с нетерпимостью штатов к федеральным ограничениям, особенно на Юге и Западе. Идея укрепления роли Белого дома для осуществления дерегулирования и децентрализации придаёт практическое содержание пропагандистскому парадоксу, раздутому Рейганом: якобы он был избран в Вашингтон, чтобы бороться там с кликами федерального государственного этатизма. Наконец, дополнение к республиканской линии единой исполнительной власти появилось после терактов 11 сентября 2001 года на Башни-близнецы, став юридической оболочкой для мер чрезвычайного положения, принятых администрацией Джорджа Буша – младшего.

Таким образом, напряжённость в отношении укрепления исполнительной власти и разделения и равновесия властей является долгосрочной чертой американского политического цикла,

который в зависимости от сезона мог принимать как либеральные черты дерегулирования, так и государственнические черты федерального централизма. Неуклюжие действия администрации Трампа оставляют открытым вопрос о том, каким образом могут быть использованы доктрины единой исполнительной власти, хотя уже было установлено, что одних только категорий либеризма и дирижизма, взятых по-отдельности, недостаточно, чтобы объяснить новый политический курс. С одной стороны, обещают дерегулирование для групп *high tech* или инновационных финансов, с другой – размахивают дубиной протекционистской политики или практикуют государственное вмешательство в промышленную политику.

Связанным, но отдельным вопросом является осада ФРС. Одно из направлений юридической мысли считает, что независимые агентства следует рассматривать как «четвёртую власть» наряду с классическим разделением на исполнительную, законодательную и судебную власти. В нашей марксистской разработке по империалистической демократии был сделан вывод, что это верно для центральных банков как монетарной власти: их статус независимости в различных формах и градациях стал общим атрибутом держав и даже требованием для их взаимных отношений.

Мы с большим вниманием следим за борьбой вокруг ФРС. В других стратегических условиях конфликта само собой разумеется, что монетарные власти противоборствующих держав были и будут задействованы в священном союзе империалистической войны для поддержки военных усилий. С одной стороны, ситуацию усложняет тот факт, что мирный долг, не только в США, принял масштабы военного долга, и что в американском кризисе долгового кризис мог бы обернуться катастрофой, сравнимой с поражением в войне. С другой стороны, решение долгового вопроса в США потребовало бы двухпартийного консенсуса, которого нет и в помине; напротив, действия администрации Трампа, вызывающие раскол и идущие до открытых провокаций, прямо противоположны логике священного союза в критический момент.

Понятно, что этот вопрос затрагивает вопрос о времени кризиса порядка. Углубление противостояния повсюду поставило бы под вопрос независимость монетарных властей, и тогда американский поворот стал бы предвестником будущего противостояния между империализмами. На данный момент это не так, и контекст осады ФРС не находит аналогичного отклика в других державах. Точно так же в войне тарифов Япония и ЕС решили не ускорять конфронтацию и, скорее, ищут между собой и с другими странами – МЕРКОСУР, Мексикой, Индонезией, Индией – соглашения о свободной торговле, чтобы обойти Вашингтон.

Это лишь временно, поскольку вопросы американского долга по своей природе являются глобальными, а американский и атлантический относительный упадок является одним из двигателей кризиса порядка.

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

1 – Набор внутренних программ, предлагавшихся или принятых в США в целях построения общества, в котором не будет бедности.

Многовекторность и перевооружение в Азии

В нашем анализе мы всегда рассматривали Азию как «царство многополярности». Азиатского аналога Ялтинской конференции, которая одновременно разделила и скрепила Европу, не существует; победитель в лице США не смог предотвратить неравномерное развитие империализма в Азии. Неслучайно именно Азия, на которую приходится четверть, а возможно, и треть мировых военных расходов, является точкой наибольшей концентрации напруги в условиях кризиса порядка. Неслучайно и то, что изменения в отношениях между державами наиболее заметны именно в этом регионе. Чжао Хуашэн из шанхайского Института международных исследований Фудань считает Китай, Россию, США, Европу, Индию и Японию ключевыми игроками в глобальной системе. Институт, которым руководит У Синьбо, включает в себя Центр американских исследований, основанный в 1985 году. Он является частью сети китайских аналитических центров, которые комментируют текущую внешнюю политику, выражая как реальные политические линии, так и академический подход. Включение Индии и Японии в число великих держав свидетельствует о многополярной позиции института. По мнению Чжао, шесть держав взаимодействуют не только в двусторонних отношениях, но и во «множестве трёхсторонних или четырёхсторонних отношений». Шестиполярная система позволяет Китаю создавать достаточно комбинаций для уравнивания своего соперника в лице Соединённых Штатов. В настоящее время «стратегический арьергард» в лице Москвы гарантирует наибольшее преимущество в случае внешних кризисов. Однако само собой разумеется, что отношения между Европой и Японией, а также между ними и Индией также демонстрируют «определённую степень» стратегической автономии от США, расширяя возможности Пекина.

Чжэн Юннань – плодотворный автор из филиала Китайского Университета Гонконга в Шэньчжэне и теоретик инклюзивного многостороннего подхода. Он считает, что в вопросах фундаментальных отношений между Китаем и Соединёнными Штатами державы могут занимать различные позиции: «Одни наблюдают за борьбой драконов и тигров, чтобы извлечь из этого выгоду, другие демонстрируют свою лояльность сильным мира сего, третьи тайно саботируют, чтобы обрести власть, а четвёртые разжигают споры, чтобы замутить воду. За сложностью мира кроются точные расчёты разных стран».

По-своему и в типично китайской терминологии этот отрывок напоминает о том, что державы могут «создавать», «ослаблять», «использовать» или «игнорировать» союзы перед лицом появления нового конкурента, как было описано Арриго Черветто в 1982 году. Появление нового хищника в системе государств теоретически ставит всех остальных в невыгодное положение, но на практике одни выигрывают больше других, меняя свои позиции. Проблема в том, что изменения в союзах каждой державы неизбежно отражаются на взаимоотношениях между всеми остальными. Китай, по словам Чжэна, должен постоянно взвешивать множество сигналов и нюансов. Он обнаруживает их в избытке в азиатском балансе сил. Премьер-министр Индии Нарендра Моди перед тем, как принять участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Тяньцзине, нанёс визит Токио. Многие комментаторы видят в этом признак того, что в Азии существует многополярность. Для Раджи

Мохана, старейшины индийской многовекторности, поездка Моди в Китай стала ответом на «неожиданную напругу» в отношениях с Вашингтоном, вызванную 50 %-ными пошлинами, наложенными США на Индию; однако было бы «ошибочно» игнорировать визит в Токио. Хотя ущерб, нанесённый Дональдом Трампом индийско-американским отношениям, значителен, индийская многовекторность не может сводиться лишь к противодействию Пекину. «Индия хотела бы укрепить свою независимую роль в Азии, создавая пространство для более широкого стратегического сотрудничества с Японией». Лун Синчунь, президент Chengdu Institute of World Affairs (CIWA) (Сычуань), предполагает возможную трансформацию Quad – квартета, состоящего из Индии, США, Японии и Австралии, созданного для сдерживания Китая. Индия, пострадавшая от пошлин, не откажется от него, а воспользуется им для сближения с японской метрополией. Это может привести к эволюции, аналогичной той, что произошла с Транстихоокеанским партнёрством (ТТП) – соглашением, от которого отказался Трамп, фактически передав лидерство Японии: Quad, подорванный торговой войной США с союзниками, всё ещё может быть полезен для Дели и Токио. Эта гипотеза широко поддерживается в индийских дебатах, часто подпитываемых бывшими дипломатами и учёными.

Global Times цитирует заявление Санчари Гоша из Джадавпурского университета (Калькутта). Диалог по безопасности между Индией, Японией и Австралией (IJA) оставался в тени Quad, но непредсказуемость США выявила «общую потребность [этих стран] в стратегической автономии по отношению как к Вашингтону, так и к Пекину». “Трёхсторонний” формат будет отдавать приоритет региональной стабильности, предлагая азиатским «средним державам» альтернативный путь к противостоянию сверхдержавам. «Даже если Вашингтон изменит курс, заключит соглашение с Пекином или прибегнет к протекционизму, у Индии, Японии и Австралии всё равно будет фундамент для дальнейшего развития». Во время визита Моди Япония пообещала удвоить экспорт капитала в Индию в обмен на согласованные потоки квалифицированной индийской рабочей силы. Хэппимон Джейкоб из Университета им. Джавахарлала Неру (Нью-Дели) считает, что «управление сложностью и непредсказуемостью американо-китайских отношений в Индо-Тихоокеанском регионе» является истинным приоритетом японо-индийского «стратегического сближения».

Две державы, заинтересованные в обеспечении безопасности цепочек поставок, должны сотрудничать с Австралией и Индонезией в рамках «азиатского Quad» для поставок критически важных полезных ископаемых. Экономические и военные связи региона служат опорой против ненадёжности обязательств США в Азии. Индии необходимо развивать несколько каналов. Связь с Японией всё ещё может проходить через Quad. По мнению Шьяма Сарана, бывшего министра иностранных дел при Манмохане Сингхе и советника по вопросам безопасности Моди, «трёхсторонний» договор между Индией, Японией и Австралией мог бы стать ядром отношений с Юго-Восточной Азией.

Стратегические дискуссии в Дели, возможно, более содержательны, чем реальные возможности индийской державы. Однако дело в том, насколько расширяется поле деятельности Индии из-за неспособности США поддерживать баланс сил. Харш Пант, вице-пре-

зидент нью-дельского фонда Observer Research Foundation (ORF), основанного семьёй Амбани, но близкого к МИД, считает, что, участвуя в ШОС и встречаясь как с Си Цзиньпином, так и с Владимиром Путиным, Моди заявил о своей многовекторности по отношению ко всем крупным державам. Это логично включает в себя и возобновление торговых переговоров с ЕС, которое было преднамеренно начато после саммита ШОС. Всего за несколько недель торговая война стала катализатором движения Индии в сторону Японии, Китая, России и Европы. «Полезная оттепель» в отношениях с Пекином была, по мнению Джейкоба, вынужденным шагом, учитывая «тревожное отсутствие серьёзности» в Вашингтоне. По мнению Виджая Кешава Гокхале, бывшего посла в Китае и министра иностранных дел при Моди, Пекин воспользовался торговыми переговорами Трампа, чтобы заключить Дели в неловкое китайско-индийское «танго», но Индия также должна воспользоваться ими, чтобы привлечь китайский капитал, а также японский и, возможно, европейский, и повлиять на США. Тактическое сближение Моди и Си является частью более широкой тенденции и возрождает дебаты об открытости по отношению к Китаю, поддерживаемые экономическими кругами исполнительной власти, а также течениями в промышленном и банковском секторах субконтинента. По данным Института Азии Университета Гриффита (Брисбен), с 2013 года Китай инвестировал в Шёлковый путь 1,3 трлн долл., треть из которых – в энергетические проекты. Эти инвестиции значительны как в Центральной Азии, являющейся периферией России, так и в Южной Азии, соседствующей с Индией. Неизбежно, что предложение провести новую Бандунгскую конференцию и дополнить её китайским капиталом и рынком найдёт отклик и в Дели. Это, безусловно, беспокоит Токио, у которого есть капитал, но нет континентального рынка для азиатской промышленности, хотя мощь импорта Страны восходящего солнца по-прежнему составляет треть от китайской. Более того, предложение Пекина беспокоит и Москву, которая фактически бессильна перед лицом экономического проникновения Китая в Центральную Азию и вынуждена принять его условия удвоения поставок энергоносителей на Восток с помощью трубопровода “Сила Сибири – 2”, находясь в положении, когда связи с Западом практически полностью разорваны, а за отношения с Югом, то есть с Индией, приходится платить высокую цену. Когда Ленин заявлял, что раздел происходит «по капиталу», он подчёркивал проблему, которая является неизбежной и весьма актуальной в современных азиатских отношениях. Её проявления необходимо анализировать со всех сторон: экономической и внеэкономической, политической и военной. Практически все соседи Индии присутствовали на саммите ШОС. Посетив Токио до Тяньцзиня и отказавшись от участия в военном параде в Пекине два дня спустя, Моди обозначил свою дистанцию как от Китая и США, так и от Азии. На параде, посвящённом 80-летию окончания второй мировой войны, присутствовали 11 из 14 соседей Китая, 6 из 8 соседей Индии и 5 из 5 западных соседей России. Из Тяньцзиня Китай призвал к реформе глобального управления, подорванного недопредставленностью “развивающихся” стран и отказом США от многосторонних соглашений. Некоторые увидели в этом истинное рождение «глобального

Юга», учитывая присутствие Индии и политическое утверждение Китая как центра влияния, альтернативного Соединённым Штатам, причём вооружённого центра влияния. Военный парад Пекина подтверждает, что азиатский гигант в значительной степени является непризнанным родоначальником послевоенного порядка, который понёс потери в 35 млн крестьян и рабочих, убитых в войне с Японией с 1931 по 1945 год. Это сопровождается – в качестве гарантии инклюзивных отношений с “глобальным Югом” – военным сдерживанием, адекватным времени или по крайней мере соразмерным Вашингтону, с перспективой на 2035 год. В политическом плане перевооружение Китая трансформируется в военную надёжность его сферы влияния и, следовательно, в предоставление военных гарантий реформированному порядку. По иронии судьбы, бронированный, высокотехнологичный Дракон представляет собой лекарство от кризиса порядка, хотя он и является его истинной движущей силой. Ещё более значима тревога Japan Times по поводу «легитимности» китайских обвинений в адрес старого порядка и их азиатского резонанса. На параде присутствовали Южная Корея, Малайзия и секретариат АСЕАН. Президент Индонезии Прабо-во Субианто прилетел в Пекин во время социально-политического кризиса, приведшего к перестановкам в кабинете министров в Джакарте.

Дино Патти Джалал, бывший посол Индонезии в Вашингтоне и заместитель министра иностранных дел, считает, что «Соединённые Штаты десятилетиями играли центральную роль, но теперь это позади, и регион рассматривает Китай как сверхдержаву». Однако не было никаких гарантий, что Вашингтон ускорит азиатские движения. США отреагировали на свой упадок с «удивительной» агрессивностью и скоростью, но недооценили стратегическую ценность, приписываемую «уважению» со стороны азиатских партнёров, – то, что невозможно навязать и что было бы наивно недооценивать. На карту поставлена легитимность Соединённых Штатов как державы, которая способна указывать стратегическое направление в меняющемся балансе сил.

Перспектива ближайших десятилетий – появление «множества средних держав», чья самостоятельная инициатива будет способствовать формированию нового мирового порядка. Индонезия как «балансирующая держава» окажется «в многосторонней конфигурации с множеством вариантов, которая ей очень подходит»: Джакарта заключит союзы с «опорными» державами Азии – Индией и Японией – и наладит отношения с ЕС. Торговое соглашение между ЕС и Индонезией, как и торговое соглашение между ЕС и Индией, станет вторым шагом на пути к перезапуску после саммита ШОС. Мы предсказывали, что непреднамеренные последствия трампаизма будут многополярными. После заключения соглашения с МЕРКОСУР Европа, перевооружаясь, движется в направлении серии стратегических соглашений, нацеленных на Индонезию, Индию и Японию. Азия перевооружается и смотрит в сторону других стран. С 2017 года, когда Пекин запустил свою военную программу, расходы на оборону в Индии и Индонезии, по данным SIPRI, ежегодно росли на 3 %, а Японии – на 6 % по сравнению со среднесрочной “нормой” Китая в 5 %. Азия – это область многовекторности. Перевооружение Азии будет идти по многим направлениям.

ФРС ищет компромисс

В 1970-е года Конгресс США наделил Федеральную резервную систему (ФРС) двойным мандатом: обеспечивать стабильность цен и содействовать максимальной занятости посредством управления процентными ставками. Когда преобладающая тенденция очевидна, действия ФРС просты: если инфляция заметно растёт, ЦБ должен повысить процентные ставки и стоимость денег; если экономика слабеет, а рынок труда даёт сбой, регулятор должен открыть кредитные краны и снизить процентные ставки.

Но это в теории. На практике всё осложняется политической борьбой, разночтениями в трактовке данных, краткосрочными и долгосрочными прогнозами и расхождениями интересов буржуазных фракций. Статистика часто демонстрирует противоречивые тенденции, и именно это происходит сегодня в Америке, но с дополнительным осложнением – началом открытой борьбы между исполнительной властью и центральным банком за контроль над монетарной политикой.

Между инфляцией и занятостью

Ситуацию резюмирует председатель ФРС Джером Пауэлл: *«Хотя уровень безработицы остаётся низким, он немного вырос; создание рабочих мест замедлилось, а риски снижения занятости возросли. В то же время инфляция в последнее время выросла и остаётся довольно высокой»*. Потребительская инфляция в августе достигла 2,9 %. Летом число новых рабочих мест увеличивалось лишь на 29 тысяч в месяц. По мнению Пауэлла, *«замедленное замедление как спроса, так и предложения рабочей силы необычно»* и смещает «баланс рисков» в сторону занятости. Дополнительную интригу внесло Федеральное бюро статистики труда, возглавляемое сторонниками Трампа: оно пересмотрело рост занятости в период с марта 2024 года по март 2025-го фактически сократив его вдвое – на 900 тысяч рабочих мест, несмотря на меры администрации Байдена. После этого ФРС снизила ставку на четверть процентного пункта, доведя её до 4 %.

The Economist критикует акцент на данных о занятости, который занижает значение растущей инфляции, утверждая, что демографического спада и выдворения иммигрантов достаточно для объяснения слабости американского рынка труда. Пауэлл также считает, что замедление роста рынка труда связано с иммиграцией, но, поскольку оно также подразумевает замедление роста экономики, это привело к снижению инфляционного давления, вызванного тарифами. Между тем в битве за монетарную власть наметились некоторые повороты.

Блиц и компромисс

После месяцев жестокой борьбы за резкое снижение ставок Дональд Трамп попытался получить большинство в Совете управляющих ФРС. Он мог рассчитывать на двоих из семи членов – Кристофера Уоллера и Мишель Боуман, назначенных во время его первого срока. Вместо уходящей в отставку Адрианы Куглер он выдвинул своего главного экономического советника Стивена Мирана, сохранившего и политическую должность. Кроме того, он попытался освободить четвёртое кресло, добившись увольнения Лизы Кук, обвинённой в нарушениях при покупке двух объектов недвижимости. Возникла спешка: нужно было успеть провести утверждение кандидатуры Мирана в Сенате до сентябрьского заседания центробанка, а также получить в судах двух инстан-

ций временное подтверждение полномочий Кук. Голосование за снижение ставки на четверть пункта получило большинство в 11 голосов в FOMC (Федеральный комитет по операциям на открытом рынке – орган из 19 членов, из которых 12 имеют право голоса и принимают решения по ставкам). Миран остался в изоляции, требуя снижения сразу на полпункта и ещё двух таких же снижений до конца 2025 года. Попытка переворота, похоже, провалилась, но в FOMC формируется большинство, ожидающее ещё двух понижений на четверть пункта в течение года. Это может стать переломным моментом. Перестройка ФРС, похоже, началась, особенно в свете истечения срока полномочий Пауэлла в мае 2026 года. В редакционной статье *Wall Street Journal* не скрывает разочарования и опасается капитуляции: ФРС снижает ставки, хотя знает, что инфляция не вернётся к целевым 2 % до 2028 года; *«ФРС, не дрогнув, переходит к режиму смягчения, причём с удивительным единодушием»*. Однако изоляция представителя Белого дома позволяет предположить, что это не капитуляция, а скорее поиск компромисса в ожидании вступления в должность следующего главы ФРС.

Наступление Бессента

В прошлом месяце мы рассмотрели план Мирана 2024 года по подчинению монетарной власти Белому дому и ослаблению её централизующих функций в пользу 12 региональных федеральных резервных систем. Дальнейшие выводы можно сделать из обширной статьи министра финансов Скотта Бессента в вашингтонском ежеквартальном журнале *The International Economy*. Ниже мы кратко изложим её основные тезисы. Примечательно, что в своём простом обвинительном заключении в адрес ФРС министр не затрагивает вопрос процентных ставок, демонстрируя, что популистская кампания за «дешёвые деньги» – лишь часть целей Белого дома. Его критика беспощадна и направлена против расширения полномочий ФРС сверх «двойного мандата», возложенного на неё Конгрессом. Интересен аргумент Бессента о том, что полномочия, полученные центральным банком сверх изначальных, подрывали его эффективность, а лишение этих полномочий, напротив, является способом «сохранить его независимость». Буржуазный юрист возражал бы министри, что все функции, которыми располагает ФРС, были делегированы или утверждены Конгрессом, тогда как сторонники MAGA хотят поставить их под контроль Белого дома.

Бессент указывает на закон о банковской деятельности 2010 года – закон Додда-Франка – как на начало этого процесса. Этот закон, принятый после мирового финансового кризиса, значительно расширил регулирующие и надзорные полномочия ФРС. Все банковские холдинговые компании с активами более 50 млрд долл. (позже эта сумма увеличилась до 100 млрд долл.) были переданы под надзор ФРС: *«Эти изменения превратили центральный банк из кредитора последней инстанции в доминирующего микропруденциального регулятора финансов США»*.

Бессент утверждает, что монетарная политика ФРС до финансового кризиса «способствовала созданию пузыря на рынке жилья», а её медлительность в распознавании тревожных сигналов усугубила финансовый крах. *«Несмотря на свою вину, ФРС вышла из финансового кризиса с большей властью, чем прежде»*. Пятнад-

цать лет спустя, в 2023 году, банкротство трёх банков – Silicon Valley Bank, Signature Bank и First Republic – выявило неэффективность надзора со стороны центрального банка, поскольку все они *«подвергались заказным проверкам и стресс-тестам со стороны ФРС»*.

Регулирование и «количественное смягчение»

Бессент предлагает лишить ФРС регулирующих полномочий и передать их Федеральной корпорации по страхованию вкладов (FDIC) – организации, управляющей страхованием банковских вкладов и выступающей ликвидатором при банкротстве банков, и Управлению контролёра денежного обращения (ОСС), регулирующему деятельность национальных банков, сберегательных и кредитных организаций, а также филиалов иностранных банков. Цель, по словам Бессента, состоит в том, чтобы *«восстановить стену разделения между надзором и монетарной политикой»*. Следует отметить, что ОСС – это независимое агентство, работающее в составе Министерства финансов и осуществляющее руководство политикой FDIC. Скорее всего, именно Казначейство окажется бенефициаром желаемой «стены разделения» при новом распределении регулирующих полномочий.

Предметом особой ненависти Бессента является количественное смягчение (quantitative easing, QE), то есть искусственное поддержание процентных ставок на уровне, близком к нулю, или отрицательном уровне посредством покупки государственных облигаций и других ценных бумаг. ФРС активно применяла этот инструмент на протяжении многих лет – от кризиса до первых месяцев 2022 года. Во-первых, QE, помимо того, что подпитывало инфляцию, *«выровняло стоимость капитала в отраслях и секторах, подрывая способность рынка подавать сигналы об изменении темпов роста и инфляции»*, то есть его способность быть *«барометром рисков»*. Во-вторых, QE *«по своей природе носит фискальный и политический характер, поэтому решение о его применении должно принимать правительство в целом»*. В-третьих, перераспределительные последствия и *«эффект богатства»* от QE были значительными и *«непропорционально выгодными»* для держателей активов: *«Внутри класса держателей активов ФРС фактически выбрала победителей и проигравших, расширив свои программы покупки активов за пределы казначейских облигаций и корпоративных облигаций, при этом сектор недвижимости получил особенно благоприятные условия»*. Министр финансов намекает, что ФРС была заинтересована в поддержании низких ставок и достаточной ликвидности, чтобы скрыть свои провалы в сфере банковского надзора: другими словами, она подчинила свою роль монетарной власти роли регулятора. В июле Бессент объявил о начале расследования в отношении *«всего института Федеральной резервной системы»*. ФРС, FDIC и ОСС провели публичное заседание в конце октября для пересмотра своих правил. Это может ознаменовать открытие второго фронта борьбы за американскую монетарную власть.

Рвение министра финансов к критике искажений, связанных с QE, вызывает вопросы. Управляя колоссальным госдолгом США, казначейство обязано быть сторонником минимальных процентных ставок – так же, как и хозяин Белого дома. Оно не может отказаться от идеи, что центральный банк должен

время от времени выступать покупателем федерального долга. Критика Бессента во многом объясняется самой горой госдолга, стремительно выросшей в эпоху количественного смягчения и «затяжной стагнации». За это время соотношение долга к ВВП удвоилось: с 62 % в 2007 году до 125 % в 2020-м. Бессент выступает против QE только в том случае, если его будет продвигать центральный банк: он хочет, чтобы бразды правления взяла в свои руки исполнительная власть.

«Количественное смягчение» и долг

Но дело не только в этической или дирижистской идеологии, претендующей на последнее слово в этой сфере. Огромные масштабы госдолга ставят под сомнение саму исходную концепцию независимости центрального банка – как строгого разделения полномочий банка, эмитирующего деньги, и Казначейства, выпускающего государственные облигации. Количественное смягчение нарушило это табу, размыв грань между монетарной и фискальной политиками, но сохранив за центральным банком роль хозяина игры – *«единственного игрока в городе»*. Именно это и поставлено сегодня под вопрос: центральный банк должен придерживаться своей *«узкой задачи»*, но при этом оставаться доступным исполнительной власти всякий раз, когда обслуживание долга – в мирное или военное время – того потребует.

Поиск дополнительных источников финансирования госдолга – одна из причин, объясняющих новые горизонты финансовой сферы и выпуск стейблкоинов – цифровых валют, обеспеченных реальными валютами (в первую очередь долларом США) и государственными облигациями. Бессент, комментируя закон США о стейблкоинах, подсчитал, что к 2028 году их обращение в США увеличится с нынешних 250 млрд до 2 трлн долл., что создаст соответствующий спрос на казначейские ценные бумаги. Как двадцать лет назад с деривативами, сегодня крупные финансовые группы формируют новый торговый контур, надувающий искусственный пузырь фиктивного капитала. Его особенность в том, что он служит подпоркой для федерального долга, но на этот раз с поддержкой новых технологий и под эгидой корыстных интересов Казначейства и Белого дома.

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

Арриго Черветто МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография, хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Европейские хроники

Новый план Делора для империализма ЕС

«Именно в текущий момент обозначаются линии битвы за новый мировой порядок, основанный на силе. [...] Это должно быть временем независимости Европы». Так заявила Урсула фон дер Ляйен 10 сентября в своём ежегодном обращении перед Европарламентом о состоянии Европейского союза. В военной сфере председатель Еврокомиссии похвалила «исторический прогресс» последних лет в построении «Европейского союза в сфере обороны». Она упомянула “Readiness 2030” – программу, запущенную в начале 2025 года, которая направлена на мобилизацию до 800 миллиардов евро инвестиций в оборону, и программу SAFE, которая предоставляет 150 миллиардов евро в фонды для совместных военных закупок. Еврокомиссия также намерена создать «противодронный щит» на восточных границах Союза и запустить программу безопасности *Eastern Flank Watch* (“Часовой на восточном фланге”).

Фон дер Ляйен анонсировала, что на ближайшем заседании Европейского совета представит «внутренний компас для помощи новым совместным оборонным проектам, для определения чётких целей на 2030 год и создания европейского оборонного сенсора». Текущая практика, когда Еврокомиссия оценивает национальные бюджеты – так называемый “европейский семестр” – будет таким образом расширена до более детального контроля оборонных бюджетов со стороны общеевропейского исполнительного органа.

Сроки европейского перевооружения

В нашей газете мы уделяли внимание фактору времени в европейском перевооружении. Используя призрак российской угрозы, Европа намерена не только обеспечить эффективное средство сдерживания в отношении Москвы, но и вести дела на равных с США и другими державами. Однако, учитывая необходимые для этого процесса сроки и военное превосходство США, Европе придётся уравнивать американские колебания и избегать полного разрыва, даже если это предполагает определённые издержки в краткосрочной перспективе. Так, Сабина Вейанд, возглавляющая Генеральный директорат по торговле Европейской комиссии, охарактеризовала соглашение по тарифам, заключённое с Трампом, воспользовавшись выражением «стратегическая выносливость».

Европейский комиссар по обороне и космосу – Андриус Кубилюс – в интервью *La Stampa* от 7 сентября пояснил: «Вашингтон смотрит на Китай и хочет перенести часть своего стратегического внимания на Индо-Тихоокеанский регион. Поэтому мы должны немедленно усилить наши возможности. Если вкратце: цели две. Первая – быть готовыми предотвратить российскую агрессию. [...] Вторая – определить с Вашингтоном, как и когда американцы сократят своё присутствие, и как восполнить этот пробел». *La Stampa* уточняет: «Сдерживание сейчас и автономия завтра?». «Именно так», – отвечает Кубилюс. Литовский комиссар имеет детализированный план: «Во-первых, наращивать европейское производство уже имеющегося оборудования. Во-вторых, развивать технологии, которые становятся важными сегодня, такие как реактивные системы залпового огня. В-третьих: модернизироваться, обучаясь войне дронов».

Ещё один шаг к европейскому сдерживанию

Хотя Брюссель и укрепил свою роль в координации и финансировании

оборонной промышленности, однако вопросы обороны остаются в основном компетенцией государств-членов. В связи с этим неудивительно, что оборона была одной из центральных тем последней встречи Франко-германского совета министров 2–9 августа. После подтверждения того, что «ядерное сдерживание является основой безопасности Альянса», и признания вклада «независимых стратегических ядерных сил Франции», было объявлено, что «Германия и Франция начнут стратегический диалог на уровне Федеральной канцелярии Германии и Администрации президента Франции, с участием министерств иностранных дел и обороны».

После анонса создания “Группы ядерного сдерживания Великобритании-Франция” в Декларации от Нортвуда от 10 июля и обязательства провести «углублённые консультации по стратегическим аспектам политики безопасности, включая вопросы ядерного сдерживания» между Великобританией и Германией, предусмотренные Кенсингтонским договором от 17 июля, Париж, Лондон и Берлин начали не-публичное обсуждение европейского сдерживания.

“Проекты Манхэттен” и общий долг

По запросу правительств Парижа и Берлина Франко-немецкий совет экономических экспертов подготовил проект доклада с предложениями по пяти «стратегическим» областям: оборона, энергетика, производительность и рост, рынки труда и торговля с Китаем. В оборонном секторе эксперты предлагают создание единого рынка и быстрое развитие «совместных оборонных мощностей, которые гарантируют взаимную совместимость и оперативную эффективность объединённых сил без помощи стратегических посредников из США», таких как «разведывательный альянс, системы наблюдения и коммуникаций, основанные на спутниках, стратегический воздушный транспорт [...], военная мобильность и системы ПВО». «Чтобы восполнить серьёзные пробелы в возможностях в технологическом секторе, – утверждается в отчёте, – Европа должна запустить европейские “Проекты Манхэттен” в большом масштабе. Так она сможет вернуть утраченные по отношению к Соединённым Штатам и Китаю позиции».

Поскольку, продолжают эксперты, «крупнейшие европейские страны имеют сильно ограниченное фискальное пространство», решение заключается в «финансировании общих оборонных проектов через выпуск долга на том же уровне (европейском), где доступны такие ресурсы, одновременно требуя от всех европейских стран, которые получают выгоду, участвовать в обслуживании долга пропорционально их ВВП». Препятствие в виде статьи 346 Договора о функционировании Европейского союза, которая исключает оборонную промышленность из правил единого рынка, предлагается обойти с помощью «межгосударственного договора (наподобие ESM)». Преимущество такой операционной модели в том, что не все страны обязаны присоединяться, но при этом она «могла бы и должна включать как Украину, так и Соединённое Королевство».

Китайские инвестиции

Если мотивацией главы об обороне является «агрессивная война России и

Франко-немецкий совет экономических экспертов

Франко-немецкий совет экономических экспертов был создан после подписания Ахенского договора в 2019 году. Это совместный проект Французского совета экономического анализа (Conseil d'Analyse Économique, CAE) и Немецкого совета экспертов по экономике (Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung, SVR). Его задача – давать рекомендации по вопросам экономической политики в интересах обеих стран. Государственные учреждения, аналитические центры и исследовательские институты часто предвосхищают условия политических сражений. Пролстав имена экспертов, участвовавших в составлении доклада, можно получить общее представление о мнениях, которые высказываются по этим вопросам в кругах власти в Париже и Берлине.

Введение: Ксавье Жаравель (президент CAE); Жан Пизани-Ферри (CAE, бывший директор и соучредитель Института Брюгеля и бывший экономический советник Эмманюэля Макрона); Моника Шнитцер (президент SVR); Якоб фон Вайцзекер (SPD, министр финансов Саара и соавтор документа начала 2025 года, в котором будущему правительству Фридриха Мерца предлагалось пойти на увеличение долга для финансирования инфраструктуры и перевооружения).

Европейская оборона: Ален Кинне (Академия Сен-Сир-Кеткидан); Ксавье Жаравель (CAE); Джеромин Цеттельмейер (директор Института Брюгеля); Мориц Шуларик (президент Института мировой экономики в Киле, IfW).

Отношения между ЕС и Китаем: Себастьян Жан (CAE); Изабель Межан (CAE); Мориц Шуларик (IfW).

Распорядители европейской администрации

Некоторые высокопоставленные европейские чиновники также играют ключевую роль в текущих переговорах.

Сабина Вейанд: политически сформировавшись в Христианско-демократической партии (ХДП) Германии, с 1994 года работает в Европейской комиссии. Первые важные этапы её карьеры в межгосударственных институтах связаны с работой в команде Паскаля Лами, европейского комиссара по торговле в 1999–2004 годах; также следует отметить её роль в переговорах по торговым соглашениям ТТР и СЕТА и должность заместителя Мишеля Барнье, когда тот был главным переговорщиком ЕС по Брекситу. С 1 июня 2019 года Вейанд возглавляет Генеральный директорат по торговле Европейской комиссии и сейчас находится на передовой торговых войн в условиях кризиса мирового порядка.

Бьорн Зайберт: верный лейтенант Урсулы фон дер Ляйен шесть лет проработал под её руководством, когда она была министром обороны Германии. С июля 2019 года он является главой кабинета нынешнего президента Европейской комиссии. Именно его фон дер Ляйен поставила во главе рабочей группы, которой было поручено найти европейский ответ на субсидии, предусмотренные Законом о снижении инфляции Джо Байдена, а сегодня он является посланником фон дер Ляйен на переговорах по соглашению о пошлинах с нынешней администрацией Трампа.

эрозия доверия к трансатлантическим гарантиям безопасности», то глава о Китае, очевидно, призвана дать ответ на «глобальные нарушения равновесия», вызванные возвышением Пекина до статуса «мировой сверхдержавы». Авторы пишут, что «успех Китая основан не на государственной поддержке и “нечестной” промышленной политике, а неразрывно связан с китайской моделью развития». Способом, не чуждым тому, который указывается в отчёте Драги, они предлагают «найти баланс между предотвращением недобросовестной конкуренции и сохранением выгод от открытости».

Прежде всего, следует сохранять открытость для торговли и инвестиций, но осуществлять более стратегический контроль. Во-вторых, «допускать, чтобы европейские потребители получили выгоду от низких китайских цен в нестратегических секторах». Однако, в важных секторах, где Европа отстаёт, как, например, в производстве аккумуляторов для электромобилей, следует стимулировать «прямые иностранные инвестиции из Китая и других стран в Европу, предпочтительно связанные с передачей технологий и созданием совместных предприятий». Тот факт, что европейские эксперты прибегают к рецепту, который сам Китай использовал десятилетиями, – это невольная демонстрация неравномерного развития империализма.

Далее следует «укреплять конкурентоспособность» с помощью промышленной и торговой политики в тех областях, где у Европы есть «собственные важные отрасли, работающие в области передовых технологий». Наконец, следует «противостоять ки-

тайской политике в области стратегического сырья».

Стиль и сроки

Мозговой центр European Policy Innovation Center отмечает, что год спустя после публикации доклада Драги 11 % из его 383 рекомендаций были полностью реализованы, 20 % – лишь частично, по 46 % – работы ведутся. Чтобы ускорить реализацию отчётов Марио Драги (о конкурентоспособности) и Энрико Летта (о завершении строительства единого рынка), фон дер Ляйен в своей речи призвала установить «чёткие политические сроки». С этой целью представляется “Дорожная карта единого рынка 2028” (план мероприятий до 2028 года для развития единого рынка). Именно на этот год, например, приходится «следующий многолетний бюджет ЕС».

Председатель фактически повторил призыв Франсуа Виллеруа де Гало. «Я прошу установить срок готовности, как это сделал в прошлом Жак Делор с 1 января 1993 года для единого рынка и 1 января 1999 года для единой валюты. Задача Еврокомиссии – предложить этот срок, а Европейского совета – утвердить его, но почему бы не 1 января 2028 года?», – предложил управляющий Банка Франции 14 мая во время слушаний в комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции. Летта также подтверждает: «Для меня 2028 год – это новый 1992-й, то есть год, когда были мобилизована вся энергия в преддверии создания единого рынка» (*Il Sole 24 Ore*, 14 сентября). Доклад Драги предлагает новый план Делора?

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

Шейхи и эмиры капитала между бойней в Газе и нападением на Катар

По словам Херци Халеви, бывшего начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ), «более 200 тысяч человек, свыше 10 % населения Газы, были убиты или ранены в ходе конфликта». Он добавил: «Ни в одном случае военные действия не сдерживались юридическими соображениями [...] это не гуманная война, и с самого начала мы сняли перчатки». Как отмечает близкая к правительству Нетаньяху газета *The Times of Israel*, оценка Халеви близка к данным палестинских источников: они говорят о 64 тысячах погибших и 165 тысячах раненых. Согласно отчётам разведки Тель-Авива, «80 % из них – гражданские лица». Война в Газе стала самой кровавой главой «столетней войны» в Палестине.

Конфликт приобрёл форму серии дуэлей, которые Тель-Авив ведёт один за другим: от Ливана до Сирии, от Йемена до Ирана. Это и противостояние с участниками так называемой «оси сопротивления», созданной Тегераном, и атака на иранские ядерные объекты в ходе «двенадцатидневной войны», завершившейся авиаударами Вашингтона. Согласно докладу израильских спецслужб, переданному французским властям, пишет *Le Monde*, Тегеран в настоящее время «слишком слаб, чтобы в краткосрочной перспективе возобновить свою ядерную программу, но это лишь вопрос времени». В военном плане ситуация пока складывается в пользу Тель-Авива, который подтверждает своё военное превосходство в регионе и восстанавливает способность к сдерживанию, поставленную под сомнение 7 октября 2023 года.

“Язык силы”

По мнению консервативной газеты *Jerusalem Post*, рейд 9 сентября против руководства ХАМАС в Дохе стал «фундаментальным поворотом»: Израиль говорит «единственным языком, который на самом деле понимает Средний Восток» – языком силы, объявляя об изменении правил ведения боевых действий. На протяжении тридцати лет, продолжает издание, ХАМАС пользовался «привилегией Катара», безнаказанно организуя свой террор из «святыни Дохи». Западные державы «не понимают, как действует сила» в регионе, который является «геополитическим пороховым погребом».

Это порождало уверенность, что Израиль не рискнет ударить по руководству ХАМАС на территории союзника США, считая, что Вашингтон этому воспрепятствует. Но тот факт, что «на Среднем Востоке понимают только победу или поражение», – не стереотип, а признание иной природы региона, где «крушение государств» встречается чаще, чем где-либо ещё, а «племенные динамики сохраняют силу». Здесь сила означает легитимность, а слабость провоцирует агрессию. Израиль демонстрирует, что «может действовать в одностороннем порядке для защиты собственных интересов», освобождаясь от любых «дипломатических оков».

Тактический успех и дипломатические издержки

Тем не менее, как отмечает в своей редакционной статье *Jerusalem Post*, налёт на Доху стал «тактическим успехом», но при этом оставил Израиль «ослабленным в стратегическом плане»: он встретил союзников, оттолкнул партнёров и загнал в тупик «эндшпиль» в Газе.

Легитимность Тель-Авива в продолжении войны в секторе «давно исчерпана», и никаких «политических перспектив» на достижение соглашения не просматривается. У Израиля есть «вечный враг», но не может быть «вечной войны». И если администрация Трампа, похоже, дала на этот рейд некое молчаливое согласие, то удар по крошечному эмирату в Персидском заливе, где расположена главная американская база и который является значительной газовой и финансовой державой, подрывает доверие к гарантиям безопасности Вашингтона – с последствиями, выходящими далеко за пределы региона.

Если непосредственным расчётом Тель-Авива было добиться какой-то формы капитуляции ХАМАС, то одновременно был послан неявный сигнал всем региональным державам. Среди них Турция, которая принимает представителей палестинского движения и использует его как козырь в своей средневосточной политике. Между Анкарой и Тель-Авивом идёт борьба за разграничение сфер влияния в Сирии. Пока Израиль регулярно наносит удары по сирийским военным объектам, Турция участвует в реорганизации вооружённых сил Дамаска. Израиль выдвинул себя гарантом интересов сирийских друзей и в июле выступил на их стороне в столкновениях с бедуинскими племенами и силами Дамаска на юге Сирии. Затем он заговорил о возможности распространить защиту и на алавитское меньшинство, вплоть до создания «протектората» над «алавитскими и друзскими кантонами», не исключая и курдов. Это стало ответом на тезис, появившийся в турецкой прессе, согласно которому на Среднем Востоке возшла «суннитская полная луна», то есть турецко-саудовское согласие, после заката «шиитского полумесяца», то есть иранского влияния.

“Гарантии со звёздочкой” Вашингтона

По мнению газеты *Sabah*, близкой к президенту Эрдогану, «нападение на Катар [...] символизирует распад англо-американской архитектуры безопасности», просуществовавшей полвека: если Доха, «богатый союзник, глубоко укоренённый в западных сетях, может быть атакован безнаказанно», значит, «старое соглашение – нефtedоллары в обмен на гарантии безопасности – нарушено». Никто, «ни Саудовская Аравия, ни ОАЭ, ни какое-либо арабское государство, больше не может верить, что одних только денег достаточно, чтобы купить безопасность». Государства Персидского залива будут вынуждены «искать новых союзников». На эту роль Анкара претендует уже давно: ещё со времени кризиса между Дохой и Эр-Риядом из-за отношений с Тегераном и войны в Йемене Турция держит свои войска в Катаре.

Катар, со своей стороны, заявил об «американском предательстве» в связи с поведением Вашингтона, который, по оценке *Financial Times*, предлагает союзникам «гарантии безопасности со звёздочкой», то есть выборочные. Доха даёт понять, что может выстраивать иные «отношения в сфере безопасности»: с Турцией, Индией, Индонезией, Китаем и Россией. Москва уже поставляла системы ПВО С-400. Эмираты имеют военные соглашения с Дели, а Пакистан, как напомнил Генри Киссинджер в книге «Мировой порядок» (2014),

выполняет роль «ядерного арсенала» Эр-Рияда. По данным французских дипломатических источников, в ближайшее время Катар напомнит Трампу: если он не сможет сдержать Нетаньяху, «мясника Газы», Доха может «не выполнить финансовые обязательства», взятые на себя в мае во время визита американского президента в монархии Персидского залива. Как напомнил министр финансов Скотт Бессент, эти обязательства включают гарантии покупки долговых обязательств США со стороны суверенных фондов залива. Но здесь может быть и намёк на частные дела семьи Трампа и его соратников – таких, как спецпосланник Стив Уиткофф, с Дохой.

По мнению *Haaretz*, нападение на Катар получило широкую поддержку внутри Израиля, поскольку эмират является одним из крупнейших спонсоров ХАМАС – и эта роль исполнялась с согласия Нетаньяху вплоть до 7 октября. Джонатан Эял, обозреватель сингапурской газеты *Straits Times*, напоминает, что в Газе обычным делом было видеть «длинные очереди палестинцев», ожидавших «ежемесячной раздачи хрустящей стодолларовой купюры каждому взрослому», поступавшей из катарской ренты. Ещё одним пунктом, по которому существует консенсус, продолжает издание, является «военное искоренение» ХАМАС. С другой стороны, премьер-министр Израиля стремится обеспечить фрагментацию палестинских территорий и в этом находит возможных союзников на Западном берегу.

Пакистанская бомба

На момент написания этой статьи стали достоянием общественности соглашения о безопасности между Эр-Риядом и Исламабадом, которые распространяют на Саудовскую Аравию гарантии пакистанского ядерного сдерживания, а также дипломатический поворот Франции и Великобритании, которые объявили о признании палестинского государства.

Соглашение между саудовцами и пакистанскими генералами нарушает ядерный баланс в Персидском заливе и на Среднем Востоке со всеми вытекающими отсюда последствиями для региональных и глобальных держав, начиная с Китая, который является военным покровителем Пакистана. Выступление Эмманюэля Макрона также согласовано с Саудовской Аравией, оно может определить европейскую стратегию и, фактически, вызывает тревогу в американской прессе. С нападением на Катар, затронувшим энергетическую артерию Персидского залива, Израиль, возможно, пересёк красную черту и запустил цепь нежелательных последствий.

Шейхи капитала в Хевроне

В начале июля *Wall Street Journal* в сотрудничестве с *Jerusalem Post* опубликовал большое интервью с Вади аль-Джаабари, одним из примерно двадцати шейхов Хеврона – крупнейшего экономического центра Западного берега, где проживает 750 тысяч человек и производится треть ВВП палестинских территорий. Аль-Джаабари вместе с четырьмя другими местными шейхами выдвинул свою кандидатуру на пост главы Хеврона как «независимого эмирата» (независимого от ПНА) в обмен на признание еврейского государства и соглашение о «территориальном разделе» вместо соглашений в Осло.

Шейх называет ПНА «коррумпированной структурой», не имеющей отношения к подлинному «местному руководству», существующему «со времён Саладина» и впоследствии выполнявшему роль посредника с Османской империей. Это предложение, как утверждается, было выработано в согласии с Ниром Баркатом, министром экономики Израиля. Баркат – предприниматель в сфере высоких технологий, десять лет занимавший пост мэра Иерусалима: сначала как представитель гражданского общества от партии “Кадима” (ныне упразднённой центристской партии, созданной Ариэлем Шароном в 2000-х), а затем от партии “Ликуд”. Как и аль-Джаабари, он имеет связи с организациями местных поселенцев.

Баркат якобы пообещал создание «совместной экономической зоны площадью около тысячи акров» на границе между Хевроном и Израилем, которая могла бы обеспечить работой до «пятидесяти тысяч палестинцев». Ответом на дилемму «одно государство или два» могло бы стать «решение эмиратов», предложенное Мордехаем Кедаром, академиком с прошлым в военной разведке: на практике это означало бы образование на Западном берегу конфедерации из семи палестинских эмиратов по образцу ОАЭ, которые признали бы Израиль. По мнению Кедара, единственными успешными моделями арабских государств являются монархии Персидского залива, опирающиеся на власть «отдельных традиционных семей».

Инициатива Джаабари–Барката была названа *Jerusalem Post* «пробным шаром» и встретила сопротивление со стороны спецслужб, которые делают ставку на «сотрудничество с ПНА для контроля над Западным берегом» и опасаются риска развязывания палестинской «гражданской войны». В конечном счёте это выглядит как обновлённая версия модели «мэров Западного берега», с помощью которой в 1970–1980-е годы Тель-Авив пытался использовать местных лидеров для противодействия ФАТХ, или как аналог «бантустанов», созданных Южной Африкой в эпоху апартеида с опорой на племенной партикуляризм.

Так или иначе, инициатива может так и остаться на бумаге. Тем не менее, она подтверждает то, о чём мы писали ещё в начале 1980-х: «Палестинское население Трансиордании и Газы, живущее под израильской военной оккупацией, имеет постоянное место жительства и социальное расслоение, высшим выражением которого является частнособственническая буржуазия, представители которой, с одной стороны, пользуются определённым влиянием на определённые течения ООП, а с другой сотрудничают в экономическом плане с израильской буржуазией на быстро растущем, несмотря на перманентное состояние войны, местном рынке»¹ (Арриго Черветто, “Всемирное противостояние”). Это ещё одно доказательство того, что в бойне в Газе и средневосточных расправах за кровь и нефть единственным ориентиром остаётся принцип интернационализма и классовой борьбы. Есть буржуазия и есть пролетариат: в Палестине, в Израиле и во всём Среднем Востоке.

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

¹ – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 171.

Демографические и миграционные тенденции

“Крепость Европа”, поддерживаемая иммигрантами

I
«Я считаю, что у Европы есть проблема, которую нужно решить: её демография неустойчива, а иммиграция является компонентом, гарантирующим её выживание», – заявил генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в интервью газете *El País* 9 мая 2023 года.
Империалистическая иммиграционная политика европейского империализма – так называемая “Крепость Европа” – имела и продолжает иметь незыблемую объективную основу – растущую потребность в трудоспособном населении, из которого можно черпать рабочую силу, необходимую для функционирования

экономики. Поскольку подавляющее большинство иммигрантов станет наёмными работниками, речь идёт также о важном укреплении рядов нашей классовой армии на европейском континенте. Всё это, как уже хорошо известно, является одним из неизбежных следствий демографической зимы, наступившей в Европе несколько десятилетий назад.
Миллионы людей находятся в постоянном движении. Это результат миллионов индивидуальных решений, которые буржуазные экономисты стремятся свести к факторам push (“выталкивание”, вызывающее эмиграцию из стран происхождения) и pull (“притяже-

ние” стран назначения, в нашем случае – Европы). Люди перемещаются не только в Европу, преодолевая границы “крепости”, но и внутри неё – между странами и регионами. Они оседают, интегрируются, воссоединяются с семьями, получают гражданство, возвращаются на родину и так далее. В этом нет ничего нового для капитализма в империалистическую эпоху, за исключением постоянно обновляющихся форм, которые принимает иммиграция, бесконечных и повторяющихся трагедий, происходящих с иммигрантами при пересечении границ, и постоянно расширяющихся кладбищ, которые не перестают за-

полняться их телами. Кровь, пролитая нашим классом, навсегда останется в истории. На этой объективной основе также происходят неизбежные политические столкновения – как на уровне всей Европы, так и внутри отдельных стран, – в которые вовлечены все без исключения.
Ситуация не является статичной, напротив, она очень динамична и постоянно развивается. Поэтому необходимо иметь актуальное представление о положении Европы с точки зрения демографии и миграции.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В 31 европейской стране (ЕС-27 плюс четыре страны Шенгенской зоны, не входящие в ЕС) уже почти 10 лет наблюдается чётко выраженная демографическая тенденция: с 2015 года естественный прирост стал отрицательным – смертность стабильно превышает рождаемость, и разрыв между ними быстро увеличивается, достигнув 1 млн человек в год. Пандемия сыграла в этом свою роль, однако даже после того, как её влияние на снижение рождаемости и рост смертности сойдёт на нет, это не изменит основные тенденции закона народонаселения империалистической зрелости. Тем не менее численность населения остаётся почти неизменной, стабильно увеличиваясь с 453 млн в 2011 году до 462 млн в 2020-м, в среднем на 1 млн в год. Это стало возможным благодаря иммиграции, которая в течение десятилетия давала чистый вклад от 1 до 2 млн человек в год. Без этого вклада население за этот период не увеличивалось бы, а сокращалось, что привело бы к возникновению нисходящей спирали.

Однако динамика в каждой из 31 страны была очень неравномерной. И это естественно, поскольку на общий результат влияют множество факторов: состояние европейского рынка труда и его изменяющиеся потребности, связанные с промышленными районами и центрами сферы услуг; история отдельных стран, как недавняя, так и отдалённая; большая или меньшая укоренённость поколений иммигрантов; различия в пронаталистской политике, вводимой с целью замедлить неизбежное снижение рождаемости; эффективность и продолжительность действия подобных программ; культурное воздействие этих мер; исторические маршруты и сети иммиграции; значимость воссоединения семей и многое другое.

Германия. Новость о том, что в 2021 году произошло абсолютное падение численности населения, вызвала сенсацию в СМИ, но уже в следующем году статистика пошла вверх. Но это не было обусловлено увеличением числа рождений. Хотя этот показатель постепенно растёт благодаря иммиграции и активной пронаталистской политике, начатой 10 лет назад, естественный прирост населения остаётся отрицательным на протяжении более полувека. Именно активная, регулярная нетто-иммиграция (почти 0,5 млн человек в год в среднем за последние 10 лет) сокращает разрыв и поддерживает численность населения немецкой метрополии на уровне выше 83 млн.

Франция. Это одна из немногих крупных стран с положительным естественным приростом, однако он неуклонно сокращается и уже не превышает 100 тыс. человек в год. Однако благодаря регулярной миграции население растёт гораздо быстрее (и уже достигло 67,9 млн человек).

Италия. Продолжающееся снижение рождаемости, неизбежный рост смертности, отрицательный естественный баланс около 300 тыс. в год и, следовательно, непрерывное снижение численности населения в течение 10 десяти лет привели к тому, что сейчас в стране проживает чуть более 59 млн человек; миграционный баланс – около 100 тыс. въездов в год – компенсирует лишь менее трети естественной убыли. Даже возможный рост рождаемости, как результат недавних мер по стимулированию деторождения, вряд ли сможет существенно изменить эту тенденцию.

Испания и Португалия. У этих двух пиренейских стран есть некоторое сходство с Германией: численность населения сократилась, но затем немного восстановилась (сейчас она составляет 47,4 млн человек в Испании и 10,4 млн человек в Португалии); при этом число рождений продолжает сокращаться, а смертей – расти. Однако отрицательный естественный прирост с лихвой компенсируется значительной иммиграцией.

Греция. Численность населения, составляющая в настоящее время 10,5 млн человек, сокращается. Резкое сокращение числа рождений, характерное для десятилетия 2011–2020 гг., похоже, прекратилось, однако с 2011 года сохраняется отрицательный естественный прирост, и он продолжает ухудшаться из-за старения населения и роста смертности. Чистая иммиграция, которая долгое время была отрицательной, теперь, похоже, движется к положительному балансу.

Польша и Румыния. Демографические показатели остались прежними, однако в последние годы миграционная тенденция в обеих странах, похоже, изменилась на противоположную. Численность населения сократилась до 37,7 млн человек в Польше и до 19,0 млн человек в Румынии.

Венгрия и Болгария. Обе страны страдают от сокращения численности населения, но Венгрии (9,7 млн) уже несколько лет удаётся сдерживать падение рождаемости и даже добиться небольшого позитивного тренда благодаря активной пронаталистской политике. Однако естественный прирост в обеих странах уже более 10 лет остаётся явно отрицательным. Если бы не иммиграционный вклад, который сейчас в Венгрии является регулярным и значительным, показатели были бы значительно хуже. В Болгарии с 2020 года число жителей не превышает 7 млн человек.

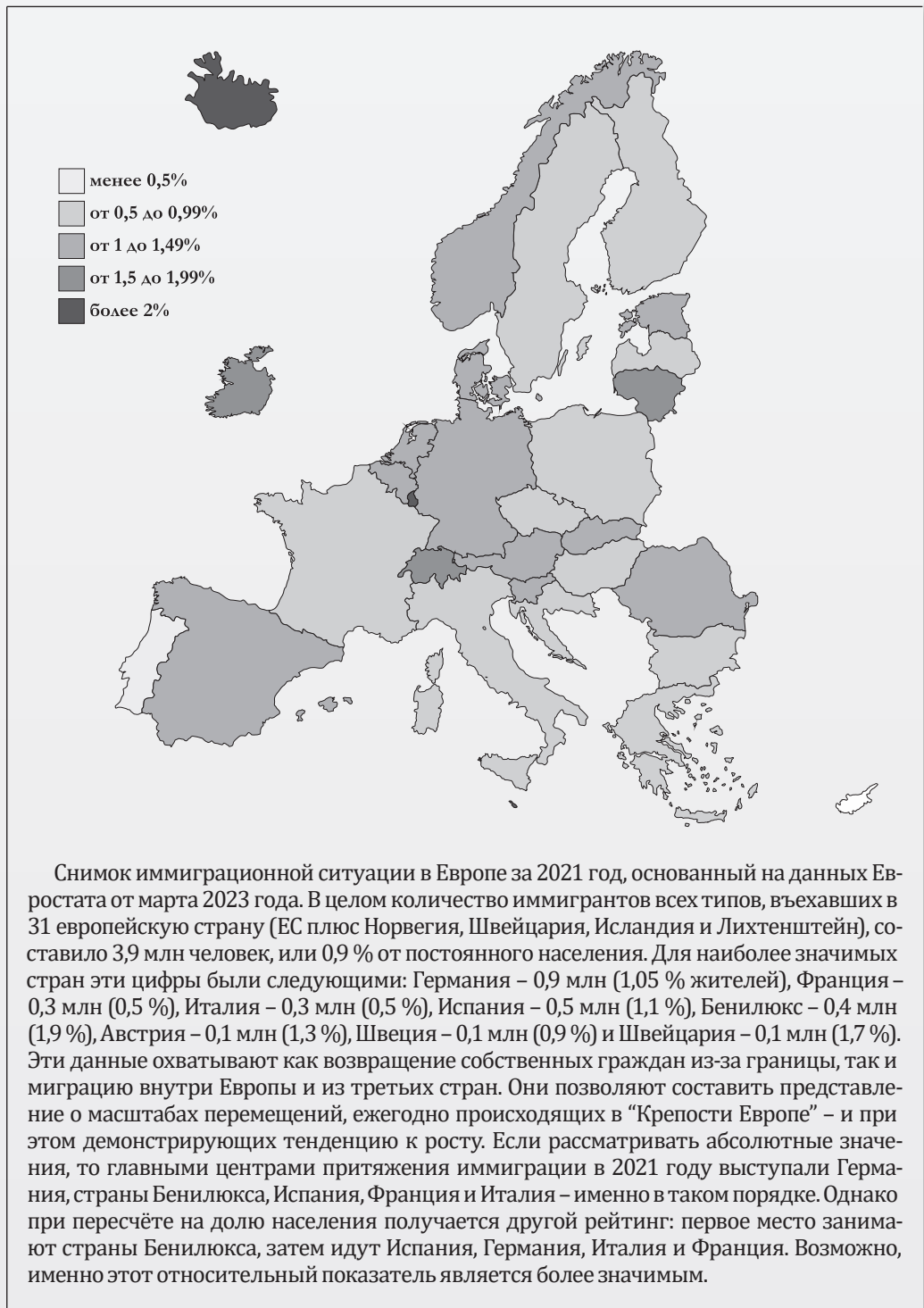
Швеция и Дания. Швеция, как и Франция, сохраняет положительный и стабильный, хотя и низкий, естественный прирост, чему в значительной степени способствует постоянная и значительная иммиграция. Комбинация этих двух факторов позволила в 2018 году преодолеть рубеж в 10 млн человек; сейчас население составляет около 10,5 млн. Аналогичная тенденция наблюдается и в Дании, численность населения которой приближается к 6 млн.

Бельгия и Нидерланды. Эти страны исторически являются важными направлениями для иммиграции. Здесь сохраняется небольшой, но устойчивый положительный естественный прирост, который в сочетании с регулярным миграционным притоком приводит к умеренному, но постоянному росту населения: 11,6 млн в Бельгии и 17,6 млн в Нидерландах.

Австрия. На протяжении долгого времени естественный прирост здесь колебался около нуля, однако в последние годы стал отрицательным. Тем не менее численность населения постепенно увеличивается благодаря стабильному положительному миграционному балансу, наблюдающемуся с начала века.

Чехия и Словакия. В последние годы они имели нейтральный демографический баланс, который сейчас стремится к отрицательному, однако регулярная положительная чистая иммиграция компенсировала это, благодаря чему численность населения остаётся практически стабильной (10,5 млн в Чехии и 5,4 млн в Словакии).

Швейцария и Норвегия. Эти две страны, не являющиеся членами ЕС, но входящие в Шенгенскую зону и сильно интегрированные в европейскую экономику, уже давно стали важными полюсами притяжения для иммиграции. Это сочетается с положительным и относительно стабильным естественным приростом (в значительной мере тоже обусловленным миграцией), что обеспечивает небольшой, но устойчивый ежегодный рост населения: 8,7 млн в Швейцарии и 5,4 млн – в Норвегии.

Пошлины и урны в Сеуле и Токио

В Корее на президентских выборах в июне, последовавших за трагикомичной попыткой президента Юн Сок Ёля ввести военное положение – закончившейся его отстранением от должности, – с большим перевесом победил кандидат от левоцентристской Демократической партии Ли Чжэ Мён. Потерпев поражение от Юна в 2022 году, на этот раз Ли получил более 17 миллионов голосов против 14 миллионов у кандидата от правоцентристской партии “Сила народа”. По мнению *Japan Times*, победа Ли стала «референдумом против Юна», поскольку часть консервативного электората поддержала Партию реформ, созданную выходцами из “Силы народа” и мелких партий и возглавляемую сорокалетним Ли Чжун Соком, придерживающимся национально-консервативных и прояпонских взглядов.

Ли Чжэ Мён и Демократическая партия, традиционно выступающие с более прокитайских позиций, за диалог с Пхеньяном и за более самостоятельную от США внешнюю политику, в ходе кампании выдвинули скорее центристскую программу, ориентированную на сохранение «равновесия» в отношениях с Пекином, Токио и Вашингтоном. На такой поворот повлияла неопределённость, вызванная решением администрации Трампа развязать «таможенную войну» по всем направлениям.

Прагматичный национализм в Сеуле

Ли, первый президент рабочего происхождения, занявший “Голубой дом”, хотя и остаётся фигурой, разделяющей политический спектр страны, намерен восстановить внутреннюю стабильность, подорванную в том числе торговым конфликтом, опираясь на широкий мандат и парламентское большинство. В переговорах с Вашингтоном Сеулу удалось добиться условий, аналогичных достигнутым Токио и Европейским союзом: пошлины в 15 % и обещания инвестиций в размере 350 млрд долларов в американскую экономику (для Японии – 550 млрд, для ЕС – 600 млрд). Однако эти обязательства остаются довольно неопределёнными. И Токио, и Сеул пока стараются отделять торговый спор от вопросов двусторонней безопасности – начиная с американских требований увеличить военные расходы и финансовые взносы на содержание войск США в обеих странах. Вашингтон, по сообщениям, рассматривает возможность вывода части своего военного контингента с полуострова и его переброски на Гуам. Эта перспектива тревожит консерваторов, но значительно меньше – национал-прогрессистов в Сеуле, которые, напротив, видят в этом шанс ускорить передачу национальным вооружённым силам контроля над OPCON – системой оперативного командования в военное время, которая по-прежнему остаётся под руководством США.

По мнению Дерека Гроссмана, бывшего аналитика RAND, «мировоззрения» Ли и Трампа, как ни парадоксально, могут совпасть: если США добиваются «избирательного» и условного участия в союзах, то корейская левая традиционно выступает за «большую национальную автономию» в рамках двустороннего альянса.

Общая оппозиция “Трамповскому раунду”

По мнению *Le Monde*, новый президент, хотя и критикует попытки Юна укрепить трёхсторонние отношения между Сеулом, Вашингтоном и Токио, вынуж-

ден в силу «геополитической ситуации» искать «тонкий баланс», затрагивающий и отношения с Китаем.

В своей речи, посвящённой 80-летию окончания японской колонизации, Ли назвал Японию «незаменимым партнёром», несмотря на «ещё нерешённые исторические вопросы», и выразил надежду на продолжение прямых встреч на высшем уровне между двумя странами.

По мнению газеты “Ханкёре”, близкой к Демократической партии и традиционно неласковой к Японии, «беспроблемное вступление президента Ли на международной арене» во многом обязано как дипломатическим усилиям японского премьера Сигэру Исибы, так и его сопротивлению «диктату» Трампа в торговой сфере, что стало одним из лейтмотивов его кампании по обновлению части верхней палаты парламента. В июле правящая коалиция в Токио, ЛДП–Комэйто, потерпела новое поражение, что лишь углубило «политический кризис» в стране. И это явно не на руку Сеулу в момент, когда обе страны «должны объединить силы, чтобы противостоять диктату Трампа» и выступить против “Трамповского раунда” – одностороннего пересмотра торгового порядка, к которому стремится Вашингтон и который наносит ущерб обеим сторонам.

Пошлины и иммигранты на избирательных участках

По мнению газеты “Ханкёре”, результаты выборов в Японии означают «отступление либеральных течений» в ЛДП, стагнацию левоцентристской оппозиции и утверждение «консервативных» и популистских сил, таких как ДПП и, прежде всего, Сансэйто, с их ксенофобскими и националистическими позициями. Поэтому Сеул должен и дальше укреплять связи с Токио, учитывая возможность чрезмерного поворота Японии вправо.

Японские выборы проходили на фоне торгового противостояния с Вашингтоном. Линия Исибы на «защиту национальных интересов», особенно в автомобильной промышленности, получила единодушную поддержку крупной прессы и даже оппозиции. Неожиданное соглашение от 22 июля, заключённое одновременно с договорённостью о промышленном сотрудничестве с ЕС, включавшей военную составляющую, было признано японской промышленностью «устойчивым» и сочтено успехом премьер-министра. Однако эта линия не принесла ему дивидендов на выборах: коалиции не хватило всего трёх мест для достижения цели. Это ставит под вопрос возможность сохранения Исибы на посту главы правительства.

Неустойчивое равновесие в Токио

В 2022 году коалиция ЛДП–Комэйто потеряла более 6 миллионов голосов, снизившись с 24,3 до 18 миллионов. Центристско-левая оппозиция выросла с 15,7 до 21 миллиона голосов, а так называемые «третьи силы», выступающие против партий истеблишмента, – с 9,6 до 14,6 миллиона. Особенно заявила о себе партия Сансэйто (Партия “Сделай сам” или “Партия политического участия”), основанная в 2020 году на позициях антиваксерства, антиглобализма и борьбы с иммиграцией, используя лозунг «*nihonjin fusato*» («Японцы прежде всего»).

По мнению *Japan Times*, успех национал-популистских сил не является для Токио новостью: в тех же масштабах они проявлялись уже в 2012–2013 годах. Од-

нако тогда это происходило в условиях долгого премьерства Синдзо Абэ, когда националистическое крыло ЛДП стремилось поглотить или ослабить подобные тенденции. Они возникают в виде мощных всплесков на выборах, но затем столь же быстро исчезают, не сумев стать реальной альтернативой традиционным партиям и оставаясь ниже 10-процентного барьера. Подтверждением служит динамика ДПП, правого крыла бывшей ДПЯ (сегодня КДПЯ), и ПИЯ, популистской партии региона Кансай (Осака). ДПП удвоила своё представительство на выборах 2024 года, но в июле не показала серьёзного прогресса. ПИЯ отступила по сравнению с 2021 годом и подтвердила свой статус региональной силы.

Согласно анализу электоральных потоков, проведённому “Асахи симбун”, Сансэйто, активно используя социальные сети, смогла перехватить часть голосов молодёжи и избирателей в возрасте от 30 до 50 лет, которые ранее голосовали не только за ЛДП, но и за ДПП или другие силы.

Популисты императора

По мнению Селин Пажон, аналитика по Азии из IFRI (Французского института международных отношений), позиции Сансэйто типичны для «национально-консервативной привычки» Японии, которые когда-то выражались внутри ЛДП, а сегодня «проявляются за её пределами». Сансэйто выступает за перевооружение, конституционную реформу, закрепляющую за императором статус главы государства, за консервативную реформу образования и обсуждение вопроса о японском ядерном оружии. Программа партии частично воспроизводит лозунги американского движения MAGA, хотя сама она ссылается на французское “Национальное объединение” и немецкую АдГ.

Среди причин её успеха – протест против высокой стоимости жизни и, что является главной новостью, беспокойство по поводу роста азиатской иммиграции. В 2024 году число иностранных жителей в Японии составило 3,77 миллиона человек, из которых более 2,7 миллиона были рабочими. Хотя часть позиций Сансэйто в значительной степени «растворяется» в общенациональном консенсусе, японская пресса, включая самые правые издания, осудила их ксенофобские акценты. По мнению “Санкэй симбун”, часто выступающей голосом наиболее жёсткого консервативного национализма, привлечение азиатских рабочих является для Токио «жизненно важным» и «стратегическим выбором».

Эту необходимость подтверждает и электорат: с 2022 года он сократился более чем на миллион человек – столько же, сколько и население. За тот же период в страну приехало свыше миллиона иммигрантов. По словам “Санкэй”, «в Японии XXI века нет места ксенофобии позднего периода Эдо» – отсылка к движению “Сонно дзёи” («Почитай императора, изгони варваров»), выступавшему против проникновения иностранцев во время модернизации страны. Газета продолжает: если Сансэйто подражает «мировой тенденции, выраженной в политике “Америка прежде всего” Трампа», то «популисты императора» в миграционном вопросе должны согласовать свою позицию с общенациональным консенсусом. К публикации “Санкэй” приложила фотографии, показывающие продуктивную роль иммигрантов в японском обществе: от вьетнамских медсестёр, ухаживающих за пожилыми женщина-

ми в домах престарелых, до непальских рабочих, занятых на заводах в Осаке.

Азия в поисках автономии

В недавнем интервью Институту Монтень, либеральному и проевропейскому аналитическому центру в Париже, Раджа Мохан, один из ведущих индийских комментаторов международной политики, заметил, что масштаб перемен в мире, вызванных политикой Трампа, проявляется в том, что «японец начинает говорить как француз»: в ходе избирательной кампании Исиба «постоянно ссылаясь на стратегическую автономию». Это показательный знак того, что Азия делает выводы из того факта, что Вашингтон ставит свои торговые интересы выше союзнических обязательств. В любом случае, многосторонние институты, созданные в 1990-е годы, зашли в тупик, и в «новом мире» открывается пространство для «коалиций средних держав», при условии, что они «не будут антиамериканскими»: страны БРИКС, включая Индию, «должны более тесно сотрудничать с ЕС, Японией и Австралией».

Похожую оценку даёт дипломат и историк Синъити Китаока, много лет бывший советником Ясухиро Накасоне и Абэ: американские лидеры оценивают собственную политику прежде всего через её влияние на «американские интересы и собственную популярность»; их полезность для остального мира оказывается «второстепенной или даже третьестепенной», при этом они полагают, что могут вполне успешно действовать, «игнорируя интересы связанных и дружественных стран». По словам Абэ, Трамп был «абсолютно ничего не знал о русско-японской войне 1904–1905 годов». Для Китаоки это «неудивительно», но показательно: американский президент совершенно не понимает «сложности международных отношений» в Северо-Восточной Азии, и ожидать от него адекватной политики безопасности «без фундаментального понимания вопроса» нереалистично. По мнению Китаоки, возможным коррективом линии Трампа могут стать «ясные тревожные сигналы рынка». В любом случае, Вашингтону потребуется время, чтобы скорректировать курс. Чтобы этим не воспользовался Пекин, заключает Китаока, Токио и другие страны должны усилить сотрудничество и «восстановить систему международной координации».

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

Гuido Ла Барбера

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Промышленность и фармацевтика

Биофармацевтика смотрит на Восток

В XX веке, особенно во второй его половине, фармацевтическая отрасль пережила настоящую трансформацию. С момента создания пенициллина, первого в длинном ряду антибиотиков, были открыты терапевтические возможности тысяч химических соединений, способных менять естественное течение многих болезней, то есть их обычный ход без лечения. Промышленное производство заполонило аптечные полки готовыми к употреблению лечебными – или считающимися таковыми – средствами, – вытеснив старые галеновые препараты фармацевта. Итальянское агентство по регулированию лекарственных средств (AIFA) сообщает о примерно трёх тысячах действующих веществ разных терапевтических классов, на основе которых выпускается почти одиннадцать тысяч препаратов для применения человеком, допущенных к продаже.

Не стоит забывать, что в обществе массового производства и потребления уже многие годы наблюдается тревожный дефицит жизненно необходимых и недорогих лекарств. И что, по данным Всемирной организации здравоохранения, треть населения Земли не имеет доступа к самой базовой медицинской помощи. “Рог изобилия” лекарств далеко не всем.

“Стандартный” пациент

Последние достижения медицинской науки ставят перед “фармацевтикой XX века” иную проблему. Во-первых, лечение ещё не означает излечение. Неизлечимая болезнь всё равно требует лечения, которое держит её под контролем, предотвращает осложнения или хотя бы облегчает страдания. До излечения, которое подразумевает устранение причин болезни, в большинстве случаев ещё далеко. Пауль Эрлих (1854–1915), немецкий врач, который в 1909 году представил *сальварсан* против сифилиса и основал современную химиотерапию, искал “волшебную пулю”, с помощью которой можно было бы поразить возбудителя болезни, не причинив вреда организму. Медицина подошла к этому вплотную, но мечта Эрлиха остаётся в значительной степени нереализованной. Новые биотехнологические методы лечения стремятся сделать её реальностью.

“Конвенциональный” терапевтический арсенал богат, но за него приходится расплачиваться *индивидуальной вариателностью* реакции. Это понятие старое и хорошо известное, но в медицинской практике его нередко недооценивают. Допущенные к продаже препараты обычно проходят клинические испытания на выборках населения и оцениваются на основе среднестатистических данных. Однако лекарство, показанное для лечения конкретного заболевания, но рассчитанное на всех “под одну гребёнку”, не имеет одинаковой эффективности и одинаковых побочных эффектов для каждого пациента. Ответные реакции различаются между этническими группами, подгруппами населения, а также полами и отдельными людьми. Подсчитано, что любое лекарство, поступающее на рынок по рецепту, помогает лишь половине тех, кто его принимает. Согласно исследованию, проведённому Коалицией персонализированной медицины (PMC), доля пациентов, для которых лекарство терапевтического класса, соответ-

ствующего их заболеванию, оказалось неэффективным, составила 38 % при депрессии, 40 % при астме и ещё выше при диабете, артрите или раке (PMC, “*The case for personalized medicine*”, 2014).

Индивидуально подобранные препараты

Среди множества факторов, которые считаются ответственными за индивидуальную вариателность реакции на лекарство, от окружающей среды до образа жизни, особое внимание привлекает *генетический профиль*. Достижения геномики, ускоренные секвенированием человеческой ДНК в 1990-х годах, стимулировали развитие новых технологий, позволяющих, например, выявить ген (или гены), ответственный за заболевание, и исправить вредную мутацию, или определить молекулярную основу предрасположенности к заболеванию. Коалиция персонализированной медицины провозглашает новую «эру персонализированной медицины», эволюцию от “реактивной” медицины к прогнозной диагностике, от стандартизированного лечения к индивидуальному лечению.

Область её применения обширна и, в некотором роде, ещё не определена. Европейский союз определяет персонализированную медицину (или, что несколько некорректно, “точную медицину”) как «медицинскую модель, которая использует характеристику фенотипов и индивидуальных геномов (например, молекулярное профилирование, медицинскую визуализацию, данные об образе жизни) для подбора правильной терапевтической стратегии для нужного человека в нужное время и/или для определения предрасположенности к заболеванию и/или для обеспечения своевременной и целенаправленной профилактики» (Совет министров здравоохранения Европейского союза по персонализированной медицине, декабрь 2015). Научные советники президента США уточняют: «это не означает буквально создание уникальных лекарств или медицинских устройств для каждого пациента, а скорее способность классифицировать людей на субпопуляции, различающиеся по их восприимчивости к определённому заболеванию или реакции на конкретное лечение» (“Report of the President’s Council of Advisors on science and technology”, сентябрь 2008).

“Большие данные” в здравоохранении

Потенциал персонализированной медицины широко признан в научном сообществе, но не все с одинаковым энтузиазмом относятся к нему. Высказываются сомнения относительно пределов его применения из-за сложности генетических вариаций даже между отдельными людьми, многофакторного происхождения многих неинфекционных заболеваний, небольшого числа специализированных центров, способных справиться с этой задачей, и непомерно высоких затрат. Чрезмерный акцент на генетических причинах заболеваний грозит отодвинуть на второй план другие хорошо известные факторы, которые считаются более важными для состояния здоровья населения и легче поддаются воздействию, например образ жизни и питание. Существует риск отвлечения ценных ресурсов от нужд системы здравоохранения в целом, пишет Журнал Американской медицинской ассоциации (JAMA). «Хотя точная

медицина почти наверняка будет использоваться в нишевых приложениях, при широком внедрении она может отвлечь внимание от эффективных, недорогих вмешательств и политики для всего населения» (JAMA, “Улучшит ли точная медицина здоровье населения?”, 04.10.2016). Большинство наиболее распространённых заболеваний имеют многофакторное происхождение, отмечается в журнале, и слишком большой энтузиазм рискует породить завышенные ожидания, которые впоследствии оборачиваются разочарованием.

Управление генетическими данными миллионов людей, ставшими доступными благодаря современным базам данных и искусственному интеллекту, поднимает вопросы конфиденциальности. «Внедрение точной медицины потребует получения генетического профиля каждого человека, что поднимает сложные этические, юридические, финансовые и социальные вопросы». (The Lancet, “Является ли точная медицина путём к здоровому миру?”, 25.04.2015).

Эта проблема уже касается данных о здоровье. В 2023 году английская служба здравоохранения (NHS England) подписала контракт на 330 миллионов фунтов стерлингов с американской компанией по анализу данных Palantir, одним из основателей которой является Питер Тиль. Palantir, известная своими связями с оборонным и разведывательным секторами, разработает платформу Federated Data Platform, которая будет управлять медицинскими записями пациентов (Financial Times, 22.11.2023). Тот факт, что “конфиденциальные” данные будут доверяться «американской компании, занимающейся технологиями слежки», вызвал протест, в частности, со стороны Британской медицинской ассоциации (BMJ, 21.11.2023).

Слово рынку

“Персонализированная медицина” предполагает радикальные изменения в диагностических и терапевтических методах. Индустриальный комплекс наук о жизни переживает глубокие преобразования, вкладывая миллиарды в исследования и разработки (НИОКР) в области геномики. Эта область считается стратегической для ведущих держав, которые соперничают в области инновационного потенциала.

В 2005 году молекулярные образования, классифицированные как “персонализированные лекарства”, составляли 5 % новых препаратов, одобренных за год американским Управлением по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств, в 2019 году – 25 %, а в 2023 году – 38 % (PMC). В 2008 году на рынке было представлено 5 персонализированных препаратов (с указанием конкретных биомаркеров), а в 2020 году их число возрастёт до 286, причём более половины из них были выпущены только за предшествовавшие четыре года и используются в различных терапевтических классах, в основном для лечения рака (PMC, “Отчёт о персонализированной медицине 2020”).

Инновационные «усовершенствованные терапевтические лекарственные средства» (ATMP) растут. Европейское агентство по лекарственным средствам (EMA) делит их на *генную терапию*, которая использует гены для исправления генетического дефекта; *клеточную терапию*, которая основана на исполь-

зовании клеток, генетически модифицированных или нет, для лечения, диагностики и профилактики; и *тканевую инженерию* для восстановления, регенерации или замены человеческих тканей.

К концу 2023 года 76 клеточных и генных терапий (включая тканевую инженерию) были разрешены для клинического применения как минимум в одной стране, что более чем в два раза превышает показатели десятилетней давности, причём двадцать из них были запущены только за последние три года (IQVIA, “Укрепление путей для клеточных и генной терапии”, март 2024). Citeline также добавляет 35 препаратов на основе РНК (ASGCT-Citeline, “Генная, клеточная и РНК-терапия”, январь 2025).

По оценкам института IQVIA, общие расходы на *клеточную и генную терапию* (КГТ) в 2023 году составят 5,9 млрд долларов, что на 38 % больше, чем в предыдущем году. Этот рынок привлекает инвестиции, и на нём наблюдается активная деятельность по приобретению компаний и заключению лицензионных соглашений.

В сторону Азии

За последние пять лет в КГТ было начато более 3200 клинических исследований, причём рост числа исследований, финансируемых промышленностью, был более быстрым, чем в других правительственных или академических учреждениях (IQVIA, цит.).

С географической точки зрения всё заметнее становится вес Азии. В 2008 году большинство испытаний запускалось на площадках, по крайней мере частично американских. В 2023 году эта доля составила 41 % для промышленных испытаний и 35 % для непромышленных. Доля Китая в 2008 году составляла 4 % и 6 % соответственно, а благодаря особенно быстрому росту в последнее десятилетие он обогнал не только Европу, но и США в обеих категориях. Доля европейского региона за десять лет сократилась с 25 до 10 % промышленных испытаний и с 20 до 7 % непромышленных.

Это движение затрагивает всю фармацевтическую цепочку. В конвейере разрабатываемых препаратов, как было подсчитано, доля США составляет 49,1 % от общего объёма, по сравнению с 51,1 % в 2023 году. Китай, с другой стороны, увеличил свою долю с 23,6 % до 26,7 %. Южная Корея находится на третьем месте с 3,2 % – опередив Великобританию (3,1) и Германию (2,5). В частности, в Китае четыре фармацевтические группы входят в мировой топ-25 по объёму разрабатываемых препаратов. Jiangsu Hengrui Pharmaceuticals, компания с оборотом в четыре миллиарда долларов, за один год поднялась с тринадцатого на восьмое место, опередив таких гигантов, как американская Merck & Co. и французская Sanofi. Кроме того, в Цзянсу самый высокий процент полностью “домашних” лекарств (94 %) среди всех остальных компаний. «Это исторический момент для китайской фармацевтической промышленности, в которой 20 лет назад практически не было собственных фармацевтических исследований и разработок, направленных на создание оригинальных соединений» (ASGCT-Citeline, “Pharma R&D Annual Review 2024”).

Борьба за статус научно-технической сверхдержавы ведётся и на поле медицины.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

Теоретические и политические

III

Публикуем отрывок из предисловия к вышедшему из печати изданию избранных работ Арриго Черветто.

Осенью 1957 года съезд Движения коммунистической левой (ДКЛ) в Ливорно положил начало кризису. Черветто и Пароди оказались в меньшинстве, подвергнувшись нападкам со стороны максималистского крыла, чей “моральный фактор” не позволял принять суть “Тезисов”, представленных на том собрании, а именно прогноз длительного цикла глобального капиталистического развития, который будет способствовать социал-демократизации масс, а не их радикализации. Несмотря на временное поражение, которое было следствием нетерпеливости психологического времени тех активистов, “Тезисы” 1957 года были научным успехом и создали чёткую основу для стратегии, которая определяла направление партии на следующее полвека.

«Всё, казалось, шло наперекосяк в тот день в Ливорно. Я прибыл 3 ноября с коленом, опухшим по причине пустячного инцидента, произошедшего в ночь перед отъездом, и меня охватывал первый озноб. День не был холодным, наоборот, но на Пьяцца-Гранде я хотел немедленно пойти спать в гостиницу. [...]

Я вовремя успел собрать воедино заметки и изложить наши тезисы для совещания, но не учёл неожиданностей. Мазини на совещание не приехал, потому что заболел; я же выступал, запивая аспирин, чтобы сбить высокую температуру. Я утверждал, что контрреволюционная фаза будет длиться не менее 20 лет – времени, необходимого для индустриализации Азии, Китая, Индии, и что одновременно требовалось формировать кадровую ленинистскую партию без иллюзии в отношении разнородных движений, которые лишь способствовали укреплению неизбежной социал-демократизации масс. Мне было тридцать лет, и никакого страха перед будущим и перед истиной. Бруно Фортикьяри и другие имели больше лет за плечами, но, что важнее, не имели достаточной теоретической подготовки, чтобы дисциплинировать свои чувства и не позволять им довести над политической оценкой. Страсть и политическое суждение были для них одним и тем же – в том слове настроений и действий, который всегда отличал максимализм и который всегда будет слабостью революционного движения.

То, что я говорил, глубоко задевало их. Они набросились на меня с пылкой горячностью, обернувшейся политической близорукостью.

Пароди, подавленный, хотел немедленно прекратить спор. Часть наших сторонников не явилась, так как решила перейти на сторону бордизма, что, на мой взгляд, было равносильно выходу на пенсию. [...]

В этой суматохе отсутствовал тот единственный человек, с которым было бы действительно полезно вести спор, в том числе потому, что он отвергал мои тезисы, утверждая, что для него движение меньшинства уже не имело исторического смысла. Я говорил об этом с Мазини в Милане во время своего рода “последней вечери”, и своим откровенным советом посвятить себя скорее историографии, чем политике, я завершил наш давний разговор, который когда-то объединил нас за столиком бара на Пролунгаменто. Совет мой был уместен: Мазини – один из лучших и при-

знанных итальянских историков, и его книги не только пользуются спросом, но и полезны.

Если бы он в тот день приехал в Ливорно, дебаты позволили бы мне избежать монолога, обречённого на поражение. Мы в любом случае остались бы в меньшинстве, но политические цели стали бы более понятны, а не оказались бы потопленными в эмоциях. Отсутствие собеседника стало ещё одной из неприятностей Ливорно.

Сегодня Тезисы по праву считаются важным моментом стратегии. Факты их подтвердили, и спустя четверть века они выделяются с поразительной ясностью благодаря утверждениям, содержащимся в них.

Но в то время они были для меня не чем-то исключительным, а всего лишь синтезом идей, которые я вынашивал много лет».

Два сражения: Единый рынок как “третий блок” унитарного империализма и кризис в отношениях между СССР и Китаем

На рубеже 50-х и 60-х годов стратегический анализ Европы и Китая был в центре двух сражений, тесно связанных с судьбой Azione Comunista. В конечном счёте именно начало процесса европейского объединения создало стратегическую возможность для обретения социалистами автономии от сталинизма – объективную силу, которая повлияла на отход активистов, связанных с Мазини.

«Италия в том 1957 году уже, по сути, вступила в европейский Общий рынок и находилась на буксире мощного немецкого мотора. Я понимал важность этого, знал, что Италии суждено было глубоко измениться, и считал смешной оппозицию Тольятти, который по экономическим вопросам, как всегда, повторял грубые пропагандистские оценки Е. Варги и России.

Я перечитал работы Маркса о свободной торговле и написал статью».

Через пять лет, осенью 1962 года, Черветто вернётся к этой теме в исследовании “Экономические блоки империализма”: «Я [...] подчёркивал создание региональных экономических блоков, которыми считал США, Единый рынок и СЭВ. В действительности степень интеграции между этими региональными блоками, особенно между США и Единым рынком, была больше, чем я мог предположить».

Вывод, сделанный Черветто в “Тетрадах”, напомним, относится к 1981–1982 годам; подчёркивание той «степени интеграции» с США, которая была выше, чем предполагалось в рамках идеи более чёткого разграничения между более защищёнными «блоками», станет плодотворным направлением для понимания реального процесса европейского объединения – в контексте цикла империалистического либеризма и в логике трансформации, а не разрыва атлантических отношений.

Второе сражение, столь же тесно связанное с судьбой Azione Comunista, будет касаться Китая, потому что начало противостояния между молодым китайским капитализмом и русским империализмом стало оказывать влияние на максималистское течение ДКЛ, завлекая его маоистскими иллюзиями.

«В мире полным ходом шёл процесс образования новых национальных государств в Африке под влиянием войны в Алжире. Весной [1959 года] я написал статью об этих движениях и в июне взял за Народные коммуны в Китае и позицию Пекина на переговорах о разрядке между США и СССР.

Задолго до того, как появились официальные позиции, которые затем на многие годы заполнили первые полосы газет, я видел, что СССР не мог поддерживать китайскую индустриализацию, и что, следовательно, Пекин был полностью заинтересован в большей автономии. Я понимал, какие перемены в международных отношениях мог спровоцировать разрыв в русско-китайском союзе. Я предвидел, что это должно было иметь последствия и для ИКП, введя третий фактор в традиционный дуализм “американская партия – русская партия”, который в течение 15 лет сковывал итальянскую политику. Китайский толчок перемешал бы карты как в мире, так и в Италии, дав возможность революционному движению, сумевшему понять его суть, вновь войти в политическую жизнь, преодолев сектантскую фазу пропагандистского кружка.

Я основательно изучал эту проблему и был первым в Италии, кто целостно её описал. Я не испытывал какой-либо симпатии к Китаю и маоизму. То, что я делал, являлось сдержанной стратегической оценкой. Как и раньше, и в последующие годы, то, что я смутно предвидел, затем проявлялось в полной мере; большинство же увлекалось страстями, и мои расчёты, основанные на разуме, оставались воспринятыми лишь в кругу нескольких милитантов».

Первые проявления стихийной рабочей борьбы и “американская канва” итальянского развития

Столкновения в Генуе 30 июня 1960 года были одними из первых проявлений цикла стихийной рабочей борьбы, который начинался под влиянием стремительного экономического чуда и ускоренного процесса распада крестьянства, в результате которого молодой пролетариат концентрировался в мегаполисах на севере страны; то же самое произойдёт в июле 1962 года во время событий на площади Статутто в Турине.

«В конце июня 1960 года Генуя оказалась на грани гражданской войны. В тёплый вечер – после активного участия в том движении – я задумался и открыто сообщил об абсурдности ситуации. Итальянская метрополия быстро продвигалась в своём экономическом развитии, в Генуе же всё дошло до ожесточённого конфликта из-за фашистских обломков. Меня поражало, что все действовали так, словно этого вопиющего противоречия не существовало. Вновь людьми двигали страсти, и всё прочее их мало интересовало. Эти страсти использовались реформистскими течениями, чтобы сломить сопротивление центрзма, который, в свою очередь, опирался на ностальгический фашизм. Но, возбуждаемые раз за разом, эти страсти вышли из-под контроля и начали действовать сами по себе. Их усмирили пулемётами. Я прекрасно осознавал всё это и пытался понять, почему произошло то, что противоречило нормальному политическому развитию в период интенсивного экономического роста. Понять было нетрудно, потому что ещё в юности я часто оказывался в политических ситуациях, когда люди действовали больше под влиянием импульсов, чем исходя из рационального политического расчёта. Только задним числом эти импульсы облекались в теоретическое объяснение, которое было не чем иным, как оправданием случившегося. Поэтому то, что происходило летом 1960 года, меня не удивляло. Скорее, я не мог понять не столько как, сколько почему это происходило.

Я написал об этом, рассматривая движения в Японии, начиная определять феномен стихийности по ходу быстрой индустриализации и пролетаризации. Как результат, впоследствии я развил анализ максималистской стихийности как специфики итальянского рабочего движения и оппортунизма в Италии. Размышления по поводу того лета позволили мне в противовес максималистской стихийности разработать высканную в 1956 году концепцию кадровой партии как необходимого условия для восстановления ленинистской партии после десятилетий контрреволюции. В 1963 году я продолжил нить своего размышления в ряде внутренних лекций, а затем обобщил их в статье о партии-стратегии. Наконец, в 1964 году написал статьи, которые составят книгу “Классовая борьба и революционная партия”. Эти концепции позволили мне позднее определить феномен “тред-юнионистской стихийности”.

Но уже в 1960 году я считал, что единственный способ не быть сметёнными или нейтрализованными стихийными и эмоциональными движениями заключался не в невозможном контроле над ними, а в необходимости иметь организацию, состоящую из людей, настолько сплочённых на практике и подготовленных теоретически, что они не оказались бы под влиянием этих движений. Такая кадровая организация могла бы впоследствии попытаться направить стихийное движение к конкретным задачам, вытекающим из более широкого стратегического анализа.

Проблема, которая стояла тогда передо мной, заключалась в том, чтобы

Стеклов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова "Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала" (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

сражения Арриго Черветто

увидеть, как могут эти итальянские всплески повлиять на международную эволюцию. На деле они никак не влияли: это был лишь симптом временной неуправляемости интенсивной пролетаризации. Таким образом, я абсолютно пренебрёг ставшим тогда модным джованилизмом¹».

Научная систематизация этого политического и организационного сражения в условиях бурных преобразований, связанных с ускоренным развитием, получила формулу «американской канвы»: «В последние годы я глубоко изучал историю американского экономического развития и его социальную стратификацию, от “синих” до “белых воротничков”, от промышленного сектора до сферы услуг, от иммиграции до плавильного котла этнических потоков. Я считал справедливым указание Маркса о том, что наиболее развитая капиталистическая страна показывает будущее отстающей. Я назвал собранный материал “Американская канва”. На основе него я сделал несколько докладов и написал ряд статей. Я думал, что будущее – это американизация итальянского общества. Я не ошибся, так как именно это и произошло, и многие проблемы, которые были тогда мною поставлены, сегодня абсолютно актуальны. Ошибался я, как всегда, лишь в отношении ритмов и сроков, потому что часто размышлял о явлениях, едва зародившихся и становившихся политически значимыми только через пять или десять лет».

Понимание развития итальянской метрополии и её империалистического созревания, предвидение его характера и направления к американизации общества, осознание противоречий, за которые могло бы ухватиться организованное меньшинство, было теоретической и аналитической стороной борьбы за укороение партии по большевистскому образцу в условиях империалистического созревания. Понятие партия-наука и партия-стратегия было в центре текста 1964 года “Классовая борьба и революционная партия”; в той борьбе, начавшейся в 1960-е годы, раскрылось практическое значение этой формулы: «Благодаря Ленину я, наконец, мог видеть развитие капитализма в Италии в качестве молекулярного процесса и сделать вывод, что на определённом этапе этот процесс породит столь многочисленные и столь глубокие противоречия, что группа, сумевшая научно проанализировать его и внимательно за ним следить, сможет создать революционную организацию. Когда неизбежно, в течение десятилетий, эти противоречия станут катастрофическими, только эта организация будет обладать полным пониманием происходящего и окажется в состоянии использовать их для того, чтобы перевернуть политические и социальные отношения».

Ленинизм оказался в состоянии сделать это в России, потому что он научно проанализировал развитие капитализма в момент его подъёма в славянской зоне. Мы сможем это сделать в метрополии, которая созревает империалистически, при условии, что нам удастся научно проанализировать эту стадию созревания».

Борьба по вопросу антиколониальных революций и войн в развивающихся странах

В 60-е годы подходил к концу цикл национальных революций, приведённый в движение новой буржуазией в развивающихся странах; война во Вьетнаме и арабо-израильские войны ознаменовали переход к 70-м годам, когда этот процесс можно было

считать завершённым. И в этом случае теоретическая и научная борьба была предпосылкой для международной политической борьбы. Именно понимание этого неповторимого цикла развития, в соответствии со стратегическим прогнозом “Тезисов” 1957 года, позволило избежать заражения тьермондистскими идеологиями.

«Процесс формирования новых национальных государств уже подходил к концу. Я следил за ним четыре–пять лет и в последних статьях-комментариях приходил к подтверждению тому, что думал и писал ещё в самом начале, когда движение только начинало пробивать бреши в жёстких блоках, возникших после войны. Ленинистская позиция поддержки была верной, но теоретическая ясность по этому вопросу имела ещё большее значение. В последующие годы она окажет большую помощь, потому что не позволит нам заразиться той или иной формой тьермондизма – от кастроизма до маоизма, – которые охватят новое поколение интеллектуалов, подтолкнув отдельные группировки к террористической аберрации».

Часто в политической борьбе многие теоретические сражения кажутся малозначительными из-за крайне ограниченного практического эффекта в данный момент, и такое впечатление может вызывать разочарование в сравнении с затраченными усилиями. Только по прошествии времени можно измерить их практический эффект, когда они помогут выбрать введение того или иного типа.

Этот аспект борьбы я всегда имел в виду, по крайней мере с того момента, как углубил мои знания истории.

Поместив деколонизацию в рамки тенденций унитарного империализма, я мог видеть то, что в июле [1961 года] будет названо мною новым планом империализма (вероятно, я использовал неточный термин); осенью я связал его с новой программой КПСС. Другими словами, я утверждал, что индустриализация отсталых районов и развитие российской зоны входило в новый план империализма по экспорту капиталов. Я приводил статистические данные в подтверждение анализа тенденции, которая в последующие годы развернётся с амплитудой, не требующей комментариев. На основе этого анализа, кроме прочего, у меня не будет трудностей с неприятием моды на “недоразвитость”, которой будут заражены 60-е годы».

Кризис Azione Comunista и рождение Lotta Comunista. “Десять потерянных лет”

В декабре 1965 года разрыв с прокитайской фракцией положил конец деятельности Azione Comunista и ДКЛ. Когда вышел первый номер Lotta Comunista, Черветто пришёл к выводу, что в результате этой бесплодной деятельности он «потерял десять лет».

«6 декабря мы провели собрание НК² в Милане. Из-за примиренческой позиции Бруно Фортикьяри оказалось невозможным устранить прокитайские симпатии Лучано Раймонди и его сторонников. Разрыв стал неизбежен. Azione Comunista прекратила своё существование. Я оказался прав, ещё десять лет назад определив её как противоречивое движение. Но теперь многое изменилось. Прежде всего, я потерял десять лет».

Десять лет в истории – миг, но в политической жизни одного человека – срок. Не многие обладают дыханием на десятилетия. Я пытался построить что-то, учитывая мнения других, мнения, которые не разделял. Я ошибался. Впредь я больше не сделаю этого, потому что потерять ещё десять лет было бы ката-

строфой для меня и для всех. Я прекрасно знал, что этот выбор не был идеальным решением. Я материалист и не верю, что один индивид может сделать то, что способна осуществить только коллективная сила. Я не верю и в то, что он может знать больше, чем способна познать коллективная сила. Я не могу предположить этого в отношении кого-либо, тем более в отношении себя. Если и существует роль личности в истории, то она заключается не столько в том, чтобы видеть то, чего не видят другие, сколько в том, чтобы действовать так, чтобы другие действовали определённым образом. Предвидения остаются тем, что они есть, и не движут людьми. Действие, напротив, вмешивается в материалистический процесс познания».

Принимать иногда в расчёт мнения других, каждое из которых отражает определённый аспект реальности, – означает оставаться парализованным в действии. Ленин отлично иллюстрирует этот узел политической работы, когда поддерживает формулу: “Действовать, потом посмотрим”. Это не рационалистическая самонадеянность, а материалистическая диалектика».

Пражская весна и “действительный раздел” между США и СССР

В августе 1968 года СССР своими танками положил конец Пражской весне – периоду политических перемен в Чехословакии, конечной причиной которых было проникновение немецкого капитала в сферу влияния Москвы в Восточной Европе. Москва не могла с этим согласиться, но применение военной силы было одновременно признанием экономической слабости её государственного капитализма по отношению к Германии. Тот факт, что Соединённые Штаты стояли в стороне и наблюдали, как гусеницы русских танков грохотали на Вацлавской площади, подтолкнул Черветто к более глубокому размышлению о балансе сил и к совершенствованию теоретического понятия унитарного империализма. Не понимая специфической политической и военной динамики держав, невозможно было осознать, как развивалась империалистическая борьба, которая не была простым отражением соотношения экономических сил. А не осознавая реальность европейского империализма, невозможно было бороться с идеологиями ялтинского раздела, которые скрывали фактический союз между Вашингтоном и Москвой и препятствовали борьбе с империалистическим европеизмом.

«Вторжение в Прагу я рассматривал как проявление “действительного раздела мира”. В анализе я отвергал утвердившийся тезис о разделе мира между США и СССР. Размышляя о концепциях “равновесия” и “баланса сил”, использованных Марксом и Энгельсом, я пришёл к убеждению, что ялтинские соглашения, пожалуй, были применением с американской стороны стратегии баланса сил в Европе. Отдавая Восточную Европу СССР, Соединённые Штаты брали в свои руки будущее европейского империализма».

Потрясения 68-го года представляли для меня большие возможности для изучения, анализа и синтеза. У меня были инструменты для этого и, особенно, для того чтобы не отвлекаться на маргинальные и вторичные проявления. Моё практическое формирование и мой опыт вновь были необходимы. Без них я бы сильнее поддавался влиянию того, что лежало на поверхности. Но для меня это было как с гуся вода. Чёрные рубашки, белые, красные, зелёные, жёлтые для меня

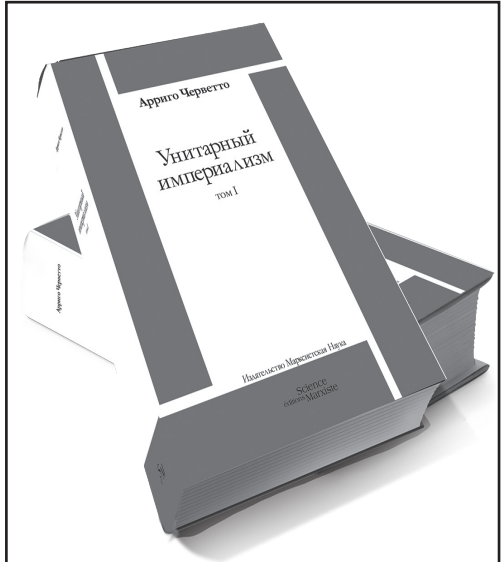
уже давно были простыми тряпками, более или менее ветхими».

Неслучайно 68-й год дал мне возможность для углубления анализа унитарного империализма. По-моему, факты позволяли, наконец, разрабатывать, видеть практическое противоречие динамики унитарного империализма, понятого в основном в форме абстракции. В 50-е годы я рассматривал империализм как единый глобальный механизм, конкретным проявлением которого было разделение на два блока. Я следил за провалившейся попыткой создания в Бандунге третьего блока вокруг Индии и Китая. Создание европейского Общего рынка привело меня к определению “трёх блоков империализма”. Динамика 68-го года позволила мне увидеть, как на практике работал механизм формирования, существования и равновесия блоков мирового империализма. Я без труда исправил предыдущее, слишком абстрактное определение унитарного империализма, даже если оно и позволяло мне продолжать научный анализ. [...]

Я считаю, что “действительный раздел мира” был открытием. Безусловно, оно было очень полезным в последующие годы. Хотя французский кризис заставил меня переоценить относительное ослабление Франции, 1968 год был для меня поистине богатым урожаем. Чтобы найти нечто сопоставимое в моей работе, нужно вернуться к 1956 году. Всё остальное было второстепенным, даже если выглядело более ярким».

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

- 1 – Заинтересованное внимание к молодёжи.
- 2 – Национальный комитет – руководящий орган организации.

Арриго Черветто

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Ещё сто лет?

В своём выступлении на ежегодном симпозиуме руководителей центральных банков в Джексон-Хоул, штат Вайоминг, 23 августа Кристин Лагард, президент ЕЦБ, подвела итоги того, как Европа справлялась с экономическими напряжённостями последних лет. В частности, она спросила себя, как оказалось возможным резко снизить инфляцию, не заплатив пропорционально высокую цену в терминах производства и занятости.

Прежде всего, считает Лагард, свою роль сыграло падение энергетических цен после пика 2022 года, глобальный фактор, который повлиял на издержки предприятий. Но, особенно в Европе, другие элементы имели больший вес.

Диагноз ЕЦБ: меньше зарплаты, больше прибыли

Наиболее актуальный из них касается зарплат. «Первая отличительная характеристика» этого цикла по сравнению с другими заключается в том, что «реальные зарплаты снизились почти на 2 % между концом 2021 и началом 2023 года», в то время как их восстановление было отсроченным и лишь частичным. Лагард идёт дальше и спрашивает, какова причина этой аномалии по сравнению с предыдущими циклами: «В частности, – заявляет она, – автоматическая индексация зарплат на уровень инфляции практически исчезла». Если «в семидесятые годы она охватывала около половины работников частного сектора – в Италии это была “скользящая шкала” – сегодня она применяется лишь к примерно 3 %».

Но дело не только в этом. Сама структура контрактов считается одним из виновников неустойчивости зарплат: контракты «приспосабливаются лишь постепенно, жёсткость номинального уровня обусловила запаздывание в адаптации зарплат по отношению к ценам». Нетрудно признать в этом уточнении усугубившуюся в эти годы тенденцию к продлению срока действия контрактов, явление, которое затронуло и Германию, где становится всё меньше традиционных ежегодных контрактов, и растёт доля тех, срок действия которых продлевается до двух, если не более лет. В Италии стандартный срок – четыре года. В периоды высокой инфляции ущерб от отсутствия адаптации очевиден.

Столь же очевидна, однако, и выгода для предприятий, как замечает Лагард: «Эта запоздалая реакция реальных зарплат действовала как амортизатор [...] смягчала давление на удельную стоимость труда и поддерживала рентабельность предприятий».

Если мы хотим извлечь мораль из всего этого, так это то, что если занятость удержалась на уровнях лучше ожидаемых, то потому, что за это сокращением своих реальных зарплат заплатили, как и прежде, работники.

Другой элемент, рассмотренный Лагард в своём анализе, заключается в том, что увеличению числа занятых соответствовало снижение средних часов работы, сравнимое в Европе с 1,3 миллионами рабочих мест с полным рабочим днём.

Здесь также подействовал тип подхода к пандемии, который Лагард определяет как «накопление рабочей силы», то есть выбор многих европейских предпринимателей сохранять работников в штате, перед лицом пандемического кризиса сначала и кризиса энергетиче-

ских цен потом, считая «накопление персонала менее затратным и рискованным по сравнению с последующим перенаймом на ещё более конкурентном рынке».

“Ключевая роль” иммигрантов

Нехватка рабочей силы – это стратегический аспект, отмеченный Лагард, которая высказывает следующую мысль: «Уже хотя бы по демографическим данным, способность Европы расширять своё предложение труда ограничена». С 2002 года число людей старше 60 лет увеличилось на 28 миллионов, тогда как в возрасте от 15 до 60 лет оно сократилось на 2,4 миллиона и ещё на 2,8 миллиона в сегменте младшего возраста. Будущие трудовые пополнения должны будут заполнять всё больше пробелов: женщины и пожилые – это категории, к которым следует проявлять внимание в вопросе увеличения занятости. Но «ещё более важно, – предупреждает Лагард, – увеличение как числа, так и уровня участия иностранных работников». На сегодняшний день ситуация такова: иммигранты, которые составляют лишь около 9 % европейской рабочей силы, «обеспечили половину вклада в её рост за последние три года». Это имеет немедленный экономический эффект: без их вклада, например, «в Германии ВВП был бы примерно на 6 % ниже по сравнению с 2019 годом».

К этому акцентированию «ключевой роли» миграции, однако, присоединяется обеспокоенность тем, что политические факторы давления «могут всё больше ограничивать приток». Тогда же, в августе, в Германии вспоминали десятилетие «Wir schaffen das», или “мы справимся” – так Ангела Меркель 31 августа 2015 года назвала линию своего правительства перед лицом волны прибывающих мигрантов.

“Wir schaffen das” десять лет спустя

Тогда речь шла о приёме сирийских беженцев, бегущих от войны, но миграционный феномен имел и имеет стратегическое измерение, с этой точки зрения его и следует рассматривать. Институт исследований занятости при Федеральном агентстве труда Германии подготовил анализ данных о мигрантах, прибывших десять лет назад (*Handelsblatt*, 26 августа): 64 % из них сегодня имеют работу по найму – этот уровень ненамного ниже 70 % общего среднего по Германии. Но беженец того времени, занятый сегодня полный рабочий день, получает зарплату, равную 70 % от средней: зарплатная сегрегация также имеет европейское измерение.

Именно эти различия заставляют некоторых экономистов говорить, что, хотя в целом «мы справились», уровень интеграции всё ещё остаётся недостаточным. Например, Ларс Фельд, директор Института Вальтера Ойкена и в прошлом один из “япти мудрецов” немецкой экономики, сожалеет об увеличении продолжительности бюрократических процедур, что «тормозит интеграцию на рынке труда»: с 7 месяцев, необходимых в 2016 году, срок дошёл до 13 в первой половине 2025 года (*Handelsblatt*, 2 сентября).

Вывод, который из этого делается, однако, не в том, что нужно повернуть назад, давая пространство расистским и ксенофобным кампаниям, но в том, чтобы более активно смотреть вперёд, на тенденции будущего. Марсель Фратц-

На Среднем Востоке происходят трагические, старые, новые и странные вещи. Трагедией является систематическое уничтожение Газы, где исход сотен тысяч беженцев, терзаемых голодом, жаждой и болезнями, добавляется к 65 тысячам жертв среди палестинцев, всё больше отодвигая на задний план 1.200 человек, зверски убитых два года назад в кибуцах во время террористической атаки 7 октября.

Нападение на лидеров ХАМАС в катарской Дохе – нечто между старым и новым. Израиль открыл восьмой фронт войны после Ливана, Ирана, Сирии, Йемена, Ирака, Западного берега и Газы. Он рассчитывает на раскол среди арабской буржуазии и на их цинизм по отношению к палестинцам, которых используют и бросают при каждом повороте ветра средневосточных соперничеств и союзов, и это старая история. Но, вовлекая нефтяные монархии, Израиль весьма вероятно перешёл красную линию, запустив действительно взрывные изменения.

Саудовская Аравия заключила с Пакистаном ключевое соглашение, которое распространяет на саудовцев защиту пакистанского ядерного зонтика. Ядерный баланс вокруг энергетической артерии Залива меняется. Турция, Египет и, опять же, Иран не останутся в стороне, но вопрос касается всей Азии и особенно Китая, которому достанется большая часть нефти, проходящей через это пространство. Пекин, впрочем, является теньвым покровителем генералов Исламабада. И их ядерной бомбы.

В движении державы региона, в движении центры империализма. Индия встревожена, учитывая историческое противостояние с пакистанцами из-за Кашмира; саудовцы стараются её успокоить. Нарастает международная кампания по дискредитации Израиля, как это было с Южной Африкой времён апартеида. Не ясно, хочет ли Вашингтон или будет ли он идти на риск, попытавшись вновь взять ситуацию под контроль. Париж и Лондон пытаются вклиниться, и это дело старое, новое и странное одновременно. Великобритания в ноябре 1917 года декларацией Бальфура открыла путь сионизму и еврейскому очагу в Палестине; Франция и Великобритания вместе годом ранее разделили регион соглашением Сайкса-Пико, на обломках Османской империи. Они были оттеснены во время Суэцкого кризиса 1956 года, к выгоде Соединённых Штатов. И вот сегодня они разыгрывают карту признания Палестинского государства: почти наверняка символическую или подтасованную, которую Израиль не примет, учитывая угрозу гражданской войны, и которая вновь делает из трагедии предлог в борьбе за влияние. Действительно, в прессе США бьют тревогу и обвиняют Париж, желающий воспользоваться оставляемым Вашингтоном вакуумом. А во французской прессе находятся те, кто ликует, видя, как Париж увлекает за собой Лондон и, возможно, всю Европу на реванш. И вот эта странная голова процессии претендует на то, чтобы сделать своим дело Палестины, пойманное между старыми разделами и новыми амбициями: Эммануэль Макрон, Кир Стармер и Бин Сальман со своим новым пакистанским зонтиком сделано в Kumaе.

Век впустую, – вот что можно сказать о столетней войне вокруг Палестины. Правда в том, что можно и нужно бороться, но с широко открытыми глазами. В распрях средневосточной буржуазии, в играх держав империализма и в мифах национализма нет решения для палестинской трагедии; они могут лишь воспроизводить ненависть из поколения в поколение, ещё на сто лет вперёд.

Что же делать? Повсюду теперь есть буржуазия и пролетариат: революционное единство арабского, палестинского, израильского, турецкого, иранского, европейского, русского, украинского, китайского, американского пролетариата, всего мира, против всей буржуазии и всех империализмов. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! – именно так родился коммунизм.

шер, директор Немецкого института экономических исследований (DIW), заявляет, что «в целом нам это удалось», напоминая, что в прошлом году иностранцы создали стоимость в 500 миллиардов евро, а только иностранцы, появившиеся в экономике с 2015 года, в отдельности – около 240 миллиардов. Следовательно, экономить на пособиях для беженцев означало бы «наступать на свои же грабли, замедляя интеграцию»: «Было бы честно со стороны политиков заявлять, что из-за демографии нам понадобится гораздо больше иммиграции в ближайшие 10–20 лет» (*Handelsblatt*, 29 августа).

Экономическая педагогика и политическая борьба

Это та педагогика, которую экономисты предлагают политикам с це-

лю противостоять антимигрантскому «нарративу», чей «экономический ущерб огромен». Это верно как для Германии, так и везде за её пределами, включая Италию, где ассоциация предпринимателей *Unioncamere* прогнозирует, что пятая часть наймов в следующее пятилетие должна будет приходиться на работников-иммигрантов, среди которых более половины составляют квалифицированные (*Il Sole-24 Ore*, 4 сентября).

Расслоение наёмных работников обречено расти: такой составной класс требует качественного профсоюзного ответа, но в то же время и интернационалистической политической борьбы ленинистов.

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

СУТЬ
МОМЕНТА